

Бахытжан КАНАПЬЯНОВ
(Жан Бахыт)

ПО ТУ СТОРОНУ ЛУНЫ

Литературоведческие этюды

Памяти Мурата Мухтаровича Ауэзова

«По ту сторону Луны» – литературоведческие этюды о личности Мурата Мухтаровича Ауэзова (1943–2024 гг.).

Автор на протяжении пятидесяти лет был близко знаком по жизни и судьбе с Муратом Ауэзовым, странником осевого времени, являлся издателем его книг, широко известных в Казахстане и за рубежом.

Мир кочевья, историко-культурная традиция и современный литературный процесс – основные мотивы этой книги, посвященной памяти философа и культуролога Мурата Ауэзова.

«Мы с детства доверяли свои мечты и помыслы месяцу, ночному светилу, стремились по лунной дорожке-тропе к той стороне Луны. И все наши несбывшиеся мечты воплотил месяц над нашим надгорьем». (Из бесед с Муратом Ауэзовым).

ПРОЛОГ

В горах и степях Казахстана, среди горных селений и равнинных аулов немало преданий, посвящённых ночному светилу – Луне и её таинственному сиянию, которое каждое полнолуние притягивает к себе взоры аулчан и путников, не спеша идущих по этой древней дороге-тропе Шёлкового пути в поисках земного счастья и благополучия.

Магический свет ночного светила, пробиваясь сквозь стада облаков, заполняет собой и долину, что раскинулась между речками предгорья, рябясь в перекатах струящихся речных вод, отражаясь на покатых валунах, когда-то занесённых с гор внезапным и всеокрушающим потоком-селем. И смутные вдаль хребты от этого божественного лунного света становятся всё более таинственными, манящими к себе гулом бурной реки, веками протекающей по дну ущелья. И это наваждение, как и неясный шум водного потока, исчезает с приходом прудутренного эха. И щёки ледников, блистающих на вершинах Алатау, становятся ещё более прекрасными от этого лунного сияния, а сами ледники, дарующие живительную влагу всему бrenному миру, что раскинулся в долине, затем сменяют этот отсвет луны на жаркий румянец ранней зари на рассвете, жар палящего солнца в полдень и почти кровавый закат уходящего дня. Но они вечны, эти ледники на хребтах и вершинах гор, среди которых господствует в этом поднебесном мире – Хан Тенгри. Вечны в своём непостоянстве красок земного и небесного бытия. Так было веками в этой великой местности, так, наверное, будет и всегда, пока существует

эта земля Казахстана, это небо, это солнце, и это светило – Луна. И душа человека полна этих чувств восприятия мира земного и мира подлунного.

Одно из преданий гласит, что ночное светило притягивает к себе светлые и тёмные силы души человеческой. После ухода из земной жизни душа ещё парит над всем сущим сорок дней и сорок ночей. И первая небесная стоянка-привал безутешной души человеческой – это Луна. К ней можно перебраться на крыльях былой мечты, а можно невидимым старцем-мудрецом по лунной дорожке-тропе, вдоль горной речки вверх туда, где дышит ущелье, где сияют ледники, и успеть душой зацепиться за край месяца, когда он всплывает из-за пика вершины. А там сам небесный смотритель вершит, в какую стадию – тёмную или светлую поселить душу человеческую. И вся прожитая жизнь, со всеми возможными прегрешениями и со всеми светлыми чувствами предстает перед тем, как переселиться навсегда, навеки на обратную сторону ночного светила.

В целом мире и в каждом человеке – «Не іздейсің, көңілім, не іздейсің?», «Что ищешь-ждёшь, душа моя, что ищешь-ждёшь?» (Абай).

(В канун сороковин Мурата Ауэзова.)

* * *

Судьбою мне дарована духовная близость с Муратом Мухтаровичем Ауэзовым. Нашему знакомству, моей привязанности к нему и нашей дружбе на различных стыках земной судьбы более пятидесяти лет. Ещё задолго до публикаций моих первых поэтических произведений он взыскательно внимал моему юношескому чтению. Его первая книга «Вре́мён связующая нить», а затем и сборник «Эстетика кочевья» были впитаны мной в те далекие прекрасные семидесятые годы. Он первым по-должному оценил моё стихотворение о позабытом языке, не говоря уже о том, что был и первым слушателем этого стихотворения. Мурат Ауэзов привил мне свою любовь к странствиям, к творческому освоению родного ландшафта и незнакомой местности.

В определённой степени, перебирая чётки лет и останавливая в памяти на мгновения необратимый «бег времени», я беру на себя обязательства хронографа по месту и действию нашей прошлой жизни, наших встреч и бесед по Шёлковому пути бытия и далее по познанию других в себе и себя по этому миру – Казахской степи, Жидебаю, Борили, Семею, Балхашу, Атырау, Актау, Астрахани, Москве и Алматы, Астане, Бурабаю, Или, Жетысу, Каркаралы, Шымкенту, Ташкенту, Самарканду, Хиве, Бухаре, Иссык-Кулю, Чолпон-Ате и другим местам Кыргызстана, Украины, Узбекистана, Франции, России... И вновь уйти – чтобы вернуться!

Мурат Ауэзов был именно взыскательным консультантом издания полного академического собрания трудов гения казахской словесности Мухтара Омархановича Ауэзова в пятидесяти томах. А это свыше десяти лет совместной деятельности – идти вперёд к своему ночному светилу, не оглядываясь, не обращая внимания на бюрократические препоны во имя созидательного завершения исторического издательского проекта. Это десять-двадцать лет близкого общения учёного и сына писателя с сотрудниками издательства «Жибек жоль», о которых он однажды сказал: «Там всегда особая атмосфера. Когда приходишь, там всегда улыбки и доброжелательность к автору, очень редкие качества такие – душевности и признания. Я хотел бы особо подчеркнуть, что выпуск нового перевода романа-эпопеи был осуществлен высокопрофессиональным издательством “Жибек жолы”, имеющим неопределимые заслуги перед читающим Казахстаном в популяризации мировой и национальной классики».

Издание пятидесяти томов Мухтара Ауэзова, всех книг Мурата Ауэзова – это для меня неопределимая школа познания и общения через издаваемую рукопись

и личные незабываемые беседы и суждения за редакторским столом, а порой ночами у костра в глуши необъятной степи или в ущелье за седьмым перевалом.

Навсегда в памяти то время, когда готовили к изданию книгу-фолиант, главную книгу жизни Мурата Ауэзова – «Вре́мён связующая нить». Если первая книга с таким названием, в основу которой легла кандидатская диссертация, вышла в начале семидесятых годов прошлого столетия и имела объём менее двухсот страниц, то Книга-Китап 2016 года издания была объемом 750 страниц, включив разделы о жизни и судьбе культуролога Мурата Ауэзова. На мой взгляд, одним из любимых разделов этой книги для автора был «Монисто». Он попросил, как всегда деликатно, редактора книги Светлану Ананьеву тщательно подготовить данный раздел, где в тексте собраны отдельные предложения и абзацы, которые сохранялись в памяти и заставляли вернуться к тексту, чтобы перечитать и осмыслить его ещё раз.

«Я не делю себя на политика и просто человека», – уверяет автор книги. «Тем интереснее следить за работой мысли нашего современника, – замечает редактор С. Ананьева, – у которого самые разные способы самовыражения».

Полёт вдохновения подарил читателям нового издания точные, ёмкие, образные и изящные фразы-откровения:

«Горький запах степной полыни после дождя – это запах истины».

«Дороги подобны цветам. Они не могут жить в контейнерных упаковках жёстко действующих границ».

«...Нам свойственна ограниченность летящей в цель стрелы, и это не так уж плохо. Да, мы ограничены, не лавируем, не умеем лукавить, мы летим как стрела, устремлены на поражение цели».

«Наши горные сады и по весне страдают от снега. Даже в конце мая можно увидеть обугленные ветви деревьев. Но с каким-то потрясающим и воодушевляющим упорством из года в год, тысячу раз обманутая, тысячу раз морозами побитая природа продолжает своё дело. Деревья из года в год продолжают цвести. Человеку такое не дано. Но культура тождественна природе: несмотря ни на что, она делала, делает и будет делать своё дело в соответствии со своим призванием».

«В полупустынных землях Западного Казахстана растёт бұйырғын, трава не высокая, но кустистая, глубоко уходящая корнями в почву. Верблюды объедают эту траву, но она бессмертна. Свободолюбие казахского народа напоминает мне трава бұйырғын».

«Поразительно, Хиросиму обнимают, через неё текут, протекают семь рек. А мы живём в Жетысу, в Семиречье. А ещё есть Семипалатинск...»

«Свобода по природе своей легка и паряща».

«Религия может вступить в альянс с политикой. В истории примеров тому множество. Не может, не должна этого делать культура».

«На полигоне, во время взрыва атомной бомбы, земля закричала. Боль и незащитность были в этом крике. Высокое голубое небо видело судороги земли, на ладонях её – муравейник людей в военной и гражданской одежде. Слышало их разговор, его безысходность... Что-то меняется в отношении природы к человеку. Нужно думать и действовать. Пока не поздно».

«Блистательные ораторы, виртуозы образов, метафор, парадоксов никогда не переводились в казахской среде. Но были и остаются провалы, выжженные полосы в биографии слова свободного».

«Независимость – это состояние души, она живёт во мне».

«Предчувствие искусства точнее пророчеств и предвидений политиков».

«Разница между устным словом и письменным такая же, как между Богом и Библией».

* * *

Три года назад ко мне обратились от имени известного предпринимателя Тимура Турлова с одной настоятельной просьбой. Суть этой просьбы такова: вне государственной поддержки и финансирования планируют запустить ежегодную литературную премию «Mecenat» за написание казахского романа. И вкратце обозначили условия этого необычного конкурса. Его новизна и необычность заключалась в следующем: победитель ежемесячно будет получать в пределах пятисот долларов США в течение жизни. Для выполнения основополагающих условий конкурса необходима была предварительная экспертиза, включающая в себя знание хрестоматийных истоков прошлых веков, именно в области казахской прозы, чтобы тем самым обозначить предпосылки казахского романа в двадцать первом столетии. Не считая себя искущённым критиком и специалистом-исследователем данного вопроса, я пытался было отказаться, однако модератор этого конкурса Ерлан Аскарбеков всё же убедил меня, скажем так, с третьего захода, что данный литературный процесс, хоть и необычен, но будет интересен. При этом веско заявил, что в моём издательстве дважды выходило полное собрание трудов Мухтара Омархановича Ауэзова в пятидесяти томах и новый перевод его эпопеи «Путь Абая». И кому, как не руководителю данного издательского проекта, провести предметный анализ на тему «Роман в XXI веке».

После долгих уговоров я дал принципиальное согласие, хотя смутно представлял чёткие ориентиры будущего литературного конкурса. Учитывая всё это, сказал на прощание, что ещё посоветуюсь, в первую очередь с Муратом Ауэзовым.

Созвонившись с Муратом-ага, договорились о встрече в его кабинете Национальной библиотеки. Он внимательно выслушал меня, а затем, помолчав, как всегда, деликатно повёл речь: «Я думаю, что организаторы конкурса не ошиблись, выбирая тебя для данной экспертизы. Ты почти десять лет являешься собственным корреспондентом “Литературной газеты”. Когда-то и Ануару Алимжанову, и мне приходилось быть собкоррами этой газеты. И ты продолжаешь это благородное дело. Мы с Герольдом Карловичем в своё время говорили на эту тему, он отметил, что ты, Бахытжан, помимо написания стихов, нашёл себя и как литературный эссеист, чувствующий время и себя во времени и пространстве. Это – во-первых. А потом – почему бы по-новому не взглянуть и на перевод эпопеи, и на исторические романы двадцатого столетия?.. Попробуй, соберись и дерзай! Держи меня в курсе этого необычного дела. Я уверен, что появятся новые имена, романисты нового столетия. Хотя есть сомнения и опасения, что авторы, победители конкурса последующих лет, ничего больше не напишут, имея эту своеобразную ренту оплаты, помесечную и пожизненную... Поживём – увидим. В любом случае, это благородное дело – помогать писателям вне государства в их творческом бытовании, лишь бы организаторы конкурса остались верны своим принятым обязательствам, я имею в виду – финансовую сторону. А тебе я бы посоветовал после экспертной своей записки, спустя два-три года, когда появятся первые победители, вновь произвести соответствующий анализ, главным тезисом которого могло бы стать – оправдались ли наши ожидания... Напишешь и покажешь мне...» Вот вкратце пересказ той беседы, которая состоялась три года тому назад. Вскоре я написал экспертную записку о предпосылках нового романа в XXI столетии. И всегда помнил о наказе своего старшего собрата и учителя по судьбе и жизни – написать заключительную часть своего эссе, тем более что уже определились первые победители этого конкурса.

В прошлом году, в августе, находясь в Таласской области, в Кыргызстане, я начал подводить предварительные итоги этой экспертизы. Благо ландшафт соответствовал, да и дорога по времени пять-шесть часов благоприятствовала.

ла моему замыслу. Думал, не спеша продолжу уже в Алматы, а затем первым делом покажу Мурату Ауэзову. Однако мы предполагаем, а Бог и небесное божество Тенгри располагает... И так случилось, что это эссе, эти литературоведческие этюды выходят под грифом «Памяти Мурата Мухтаровича Ауэзова». Пытаюсь быть верным этой памяти во имя его последнего наказа.

Париж. 100-летие Мухтара Ауэзова. Май 1997 г.
Мурат Ауэзов, Олжас Сулейменов,
Бахытжан Канапьянов, Айман Мусаходжаева.

* * *

Как я уже упоминал, в августе прошлого года меня пригласили на празднование трёхсотлетнего юбилея известного кыргызского полководца Колпач-баатыра, потомка Амир-Темира, уроженца Таласской долины. В уютном городке Талас прошли эти торжества. Рядом располагались земли древнего Тараза. И бывший аил Шекер, который уже имел имя Чингиза Айтматова, готовился к 95-летию писателя. Я подарил землякам Чингиза-ага три номера газеты «Казахстанская правда», где в течение месяца публиковалось моё эссе «И дольше века...», посвящённое автору «Джамили» и многих других высокохудожественных литературных произведений двадцатого столетия. Вечером, после аламан-байги, кокпара и поминального аса, возвращался на машине, проезжая вдоль знаменитого Кировского водохранилища, что находится вблизи аила Айтматова. Пустующее водохранилище, на дне которого протекала ниточка речки-ручейка, пугало своей бездной. Быть может, это приток или рукав речки Байдамтал, о которой писал Айтматов, а над всем этим пятисотметровая бетонная пустота, ибо пересохли речки, и было знойное лето без дождей...

Сидя в машине, по айпаду узнал, что в связи с резким уменьшением объёма (14 миллионов кубометров воды, что на 92 миллиона меньше, чем в прошлом году) прекратилась подача воды в наш Казахстан (в Жамбылской области засуха). Начиная с 1991 года, пяти республикам Центральной Азии приходится согласовывать между собой вопросы водораздела, а из-за последствий изменения климата исполнения подобных соглашений усложняются.

Через полгода на северо-запад Казахстана и в соседние области России внезапно нахлынула большая вода, затопив многие города и поселки. В регионах был объявлен чрезвычайный режим половодья и паводков. Но это полгода спустя. А тогда я успел побывать и на сакральной горе Манас-ата, и в мемориальном комплексе, что у подножия этой былинной вершины. И когда шёл по тропе, ведущей ко многим памятным местам, декоративно обставленным балбалами, то временами из-под земли в такт моей ходьбе раздавались заклинания из эпоса «Манас»¹, словно глас подземного царства взывал к сохранению этого мира, что веками окружает нас, временных обитателей под небом Тенгри. И затем, находясь в машине, я сверял свои записи, благо дорога была долгой, с остановками, по ячейкам памяти, сверял с выкладками и сносками в электронных сетях.

¹ Звуки заклинания в такт ходьбы посетителей.

* * *

Во многих разделах этого эссе Мурат Ауэзов зримо присутствует в реальном образе культуролога, эссеиста, странника осевого времени, ученого энциклопедических знаний от раскрытия многих тайн манускриптов до путешествий за Великую Китайскую стену, разрушая фрагментарность мышления нашего исторического бытия во имя человеческой общности – быть равным среди равных. За пятьдесят пять лет нашего общения, в офлайн и онлайн режиме, мне довелось быть участником и свидетелем многих неповторимых моментов, когда реальность переходит в мифы конно-кочевой цивилизации, находя интонационный ключ бытия, именно по Мурату Ауэзову.

РОМАН В XXI ВЕКЕ

(предпосылки написания крупномасштабного произведения)

Рождение нового века всегда несёт в себе и новые литературные произведения. Так было и в начале двадцатого столетия после Абая, основоположника письменной литературы Казахстана того периода. Хотя уже в XIX веке существовала уникальная проза (дневники, письма, путевые заметки) Чокана Валиханова, принятая литературным и ученым светом в Санкт-Петербурге и за рубежом (А. Герцен, «Колокол»), а в степном пространстве казахских просторов давно уже укрепились эпос, фольклор, написанные тюрко-чагатайским письмом (арабской вязью).

Всё это, в основном, кисса-алкисса переходило в память не одного поколения казахского народа, но в целом через исполнения в аульных кругах героического и лиро-эпического эпоса, а также сказок, айтысов и прозаического истолкования священной книги мусульман – Корана. До прихода ислама в казахскую степь, в каждой юрте, в каждом ауле жили по незыблемому кодексу Тенгри. Анализ казахского эпоса и фольклора убедительно показывает, что в последующем в ислам ненавязчиво вошли многие демократические каноны Тенгри, имея за собой многовековой образ жизни (от традиционного быта до философских воззрений кочевника).

I

Впервые за годы независимости всенародно было отпраздновано 550-летие Казахского ханства. От востока на запад, с севера на юг, почти все населенные пункты земли Казахии, и млад, и стар сердцем и душой отметили эту сакральную дату. И не было равнодушных к проведению этого мероприятия. И многих, если не всех, отличало чувство собственного достоинства – вместе отметить эту дату во имя грядущего, имя которому Мәңгілік Ел!

550 лет – это срединная дата, когда на государственном уровне состоялся этнос казахской нации. Однако Керей и Жанибек не спустились с небес. Они были представителями своего времени и своей эпохи. И за их спинами было целое многовековье их предков, шежіре многих племен и родов; и каждый род, и каждое племя было особенным и неповторимым по своей духовной сути. Все они образовывали уникальную метафору – степной алаш – покрывало, лоскуты которого воссоздали степные мозаичные витражи, словно узор в калейдоскопе. Это узорчатое покрывало не раз согревало и нас, и наших предков в далёкие, прошлые века. Тому свидетельства – великий фольклор казахского народа, ландшафт нашей Великой степи и сама топонимика этого ландшафта.

Какие имена и названия местности сохранила для нас, неблагодарных потомков, память народа! Действительно, нет ничего достовернее и прекраснее, чем испытанное временем название места рождения и жизни человека! «Отечественные, или родину значащие, имена» – так определял народную топоним-

мику М. В. Ломоносов. Незабвенный Каныш Имантаевич Сатпаев в своих путевых тетрадях записывал: «Мыншункыр. Тысяча ям. Значит, здесь когда-то были древние выработки. Выяснить!», «Каратас. Черный камень. С этим цветом в народных сказаниях связаны железистые соединения», «Коктас. Синий камень. Можно предположить – там существует медь», «Алтын Абакан. Напоминает о золоте. И часто не зря!», «Джезказган. Значит – место добычи меди. Точное название!» Так не только геологи находят в недрах богатства. Вспомним Генриха Шлимана, поверившего в историческую достоверность названий рек, морей и городов эпоса Гомера, который прошёл по следам «Илиады», благодаря чему нашел и раскопал Троя.

С таким топонимическим ключом можно ориентироваться и на просторах Казахстана. К примеру, всемирно известный Байконур – это «край, богатый прохладным ветром». И действительно, в самые жаркие и знойные дни вдруг потянет прохладный ветерок. Для горячей степи – это истинное благо. Не знаю, откуда приходит туда прохлада, но факт остается фактом. И народ запомнил это и сохранил в своей многовековой памяти. Закрепил в имени земли. А теперь, благодаря космодрому, это название известно всему миру.

Или, к примеру, легенда о черном волке, которого долго никто из казахов не мог выследить и убить? Матёрый и злой чёрный арлан-касқыр не давался в руки охотникам, жил в глубоких подземных норах, прятался в них, и не где-нибудь, а именно в холмах у речушки Соқыр, что означает «слепая». С нравом этой речушки связано и название возвышенности Итжон, на ней и раскинулась каменноугольная Караганда. А Итжон означает «собачий хвост». Одним словом, хвост забоя при добыче каменного угля. Долго скрывался чёрный волк, а теперь его нашли и приручили.

В горах Улытау, где веками возвышается мазар Джучи-хана, есть легендарная река Терсаккан. В предании «Аксак-кулан – Джучи-хан» поётся о хромом диком жеребце, который убил копытом любимого сына хана Джучи. Разгневанный хан повелел истребить табуны куланов. На пути в Улытау, где находилась ханская ставка, он приказал прорыть широкий канал Куланутпес, что означает «Не проскакать кулану». Есть и знаменитый кюй-плач «Аксак кулан», исполняемый на кобызе. Всё это, и в музыке, и в поэзии, есть художественное отражение реального былого, ибо в Тенгиз-Кургальджинской впадине сохранились и поныне следы Куланутпеса. И есть река Терсаккан – «текущая вспять». А захоронение сына Чингисхана, Джучи, первыми обнаружили Каныш Сатпаев и Алькей Маргулан ещё в те далекие тридцатые-сороковые годы прошлого столетия.

К месту будет вспомнить и былинную вершину Хантау. Ещё мальчишкой в конце пятидесятых годов у подножия этих гор я видел каменные балбалы и захоронения предков из эпохи и окружения Керей и Жанибека. А на западе полуострова Крым есть небольшая сопка высотой 120 метров, которая носит великое имя Кипчак. Это, быть может, единственное название из тех времён, когда, по выражению моего великого предка, Чокана Валиханова, «жаворонки вили гнезда на спинах баранов», то есть когда «Алаш был Алашем». Однако ещё совсем недавно, каких-то пятьдесят – семьдесят лет тому назад на карте довоенного Крыма, которая хранится в моём архиве, было около двух тысяч исторических наименований и названий местности и ландшафта, как говорится, до последнего позвонка кровно связанных с родами и племенами единой казахской нации. Прискорбно осознавать, что свыше тысячи наименований исчезло за годы Советской власти. Вот некоторые из этих исчезнувших названий: Конрат, Ораз, Байгельды, Отар, Каралар-Кипчак, Аккоз, Айдар, Алибай, Чаян, Китай, Котыр, Жабага, Арай, Ельток, Багайлы, Алаш, Айсабай, Орта-Кесек, Кара-кыят, Коян, Жанатай, Бура, Эски Орда, Азат, Каламбет, Кун Туган, Суюнши, Терен Аир, Жалман, Казаклар,

Соқыр, Тубай, Жан Журеке, Таш Жарган, Керлеут, Таракташ, Бай Буга, Кунан, Табылды-Асс, Жамал, Улан, Каймак, Кошкар, Куль Садык, Сакал, Танабай, Куль Жакын, Жайляу, Отуз, Туяк, Кара-Узень, Алма, Арам-Кой, Отарчик, Аиргуль, Орта-Кисек, Аргын, Аргынчик, Азамат, Карабай, Сары-су, Колпак, Азберды, Казан-Берлик, Тау-Кипчак, Барсхан, Тама, Барын, Найман, Джалбылды, Ногайлы, Ауз, Барын, Бай-Онлар, Жарык, Биюк-Найман, Асс-Найман, Жанай, Таук, Алгыз, Жумаш, Кирей, Барак, Кобек, Апшак, Мамбет, Кокей, Кият, Теры, Алатай Табылды, Айтуган, Ботен, Байсары, Мангыт, Бай-Казак, Карт-Казак, Онгар-Найман, Баксы, Корпе, Ак-Мунай, Джан-Торе, Кошай, Орта-Аул, Узунлар, Куль Тобе, Айман, Аргын-Тобечик, Каралар, Туркмен, Бикеш, Алибай, Ас-Табан, Узун-Аяк, Дулат, Тамак, Челябинер, Джалаир, Ногайлы-Ахмат, Тотанай, Айбары, Тогайлы, Кара-Найман, Биечь-Найман, Кадыш, Кара-Меркит, Керейт, Атай, Агай, Киргиз-Казак, Узбек, Аманша, Сары-Кипчак, Абай-Кучук, Тураш, Камбар, Аян, Карабай, Капшик, Козы...

Я специально выбрал только те бывшие названия и наименования населённых пунктов Крыма, которые полностью, и по корню, и по приставкам, и по окончанию совпадают на молекулярном уровне с именами и названиями чисто казахскими, без турецких и даже татарских вкраплений.

Интересна сама история приобретения этой довоенной карты. Как известно, в Крыму долгие века проживали не только крымские татары, ногайцы, греки, болгары, турки, но и древнейшие народы – тюрки иудейской веры – крымчаки и караимы. Они без каких-либо заимствований, кроме некоторых татарских слов и выражений, полностью, я бы сказал, на рафинированном уровне сохранили западно-кипчакский диалект и словообразования казахского языка. А иногда и более выразительные словообразования. К примеру, судьбу они обозначают не «тагдыр», а «кызмет болса», то есть «была бы работа, а всё остальное приложится». Месяц декабрь в отличие от нашего «желтоксан» звучит более определённо – «соғым ай» – «время убоя скота на зиму».

Ещё во времена студенчества, когда впервые оказался в Крыму, я познакомился с великим крымчаком Давидом Ильичем Реби. Он возродил крымчакский язык, стал единственным учёным – исследователем языка крымчаков. А этот народ ещё до недавнего времени (до 1980-го) считался народом еврейским, так и записывался в пятый пункт советского паспорта. И только благодаря усилиям Д. И. Реби и других патриотов тюркского мира они стали именоваться, как и в древние века – крымчаками. Давид Ильич Реби поведал мне и о древней религии крымчаков – тенгрианстве, и уже после они, как и караимы, приняли иудейскую веру. У крымчаков очень интересны и занимательны бытовые, молитвенные песни, сохранившиеся в рукописном виде на чагатайском и арамейском алфавите. Эти молитвы они называют «тасур», а рукописи – «джонками». Одну из этих джонок Д. И. Реби зачитал мне. В переводе она звучит примерно таким образом: «Все творения неба и земли, свидетельствую, все вместе свидетельствуют, что Бог един, и был един, и слова, обращенные к нам, считаются величественными, и смысл их в том, что выше всех слов – великий Тенгри! Когда душа задумывается о написанных для всего мира книгах и обо всём, что существует кроме тебя, она понимает, что всё это создано по велению Тенгри. С начала и до конца существуют север, запад, восток и юг, и всему миру известно, что идет с одной стороны, а что с другой. Всё вокруг берёт у тебя силу, ты могуч и вечен, Тенгри, а все тленны, поэтому все тебе честь оказывают, и с начала, и до конца только ты единственный наш отец, Тенгри».

Давид Ильич и подарил мне довоенную карту Крыма, за что я навеки признателен ему. Как известно, родственному крымчакам народу караим современную грамматику и словарь создал известный казахский учёный Кенесбай Мусав, который долгие годы жил в Москве и преподавал в Литературном институте.

В настоящее время в разных странах мира проживают несколько тысяч караимов и около четырёхсот крымчаков. Во времена Второй мировой войны, в годы оккупации Крыма, крымчаки подверглись геноциду, и у этой древнейшей нации, к глубочайшему сожалению, произошла точка невозврата... А эту карту я храню как талисман, сверяю по ней имена и названия Крыма и Казахстана. Она и служит мне своеобразным ключом при исследовании великих земель Дешт-и Кыпчак, Великого Турана и Мәңгілік Ел.

II

Тенгрианство и тюрки – это, по сути, рифмующиеся понятия. И эти понятия из века в век наполнялись неистребимым духом наших предков, и до империи Чингисхана и после её распада становились неотъемлемой частью и духовной составляющей самой казахской нации. Да и сам «Потрясатель Вселенной» был тенгрианцем, толерантным к религиям мира – иудаизму, буддизму, христианству, исламу. Думаю, ни к чему споры о национальной принадлежности Чингисхана. Важнее то, что по инициативе ЮНЕСКО он провозглашен Человеком второго тысячелетия. А для нас, казахов двадцать первого века, важно осознавать, что родные края дороже священной земли Египта. Эта народная мудрость сродни священному запаху емшана, что приходит сквозь сон по ночам тому или иному одноплеменнику, оказавшемуся волею судьбы и истории вдали от очага Родины. Ещё из древнего тенгрианства известно, что человек – не только загадка природы, человек – центр Вселенной. Как из точки или капли начинается мироздание, так и человек несёт в своём сердце солнце мироустройства. И для каждого человека его жизнь, семья, очаг, аул, его Родина – это солнце Вселенной. Об этом и стихи Магжана Жумабаева – «Пророк», «Восток», «Огонь».

По дороге в Тибет, у подножья Эвереста, есть селение Тенгри, а вблизи его – озеро Тенгри-Нур. Оно сейчас переименовано в Нам-Цо, как и многие наименования Крыма. Здесь когда-то побывал Чингисхан, будущий «Потрясатель Вселенной», Человек II тысячелетия, и всем своим существом принял культ тенгрианства.

Самое быстрое в мире – это молния мысли. И самое вечное, ибо благодаря ей, мы – дети неба познаём себя и осознаём, что смерти нет, а есть только долгое наше отсутствие. Существует древняя притча у небесных монголов-тюрков, чья прародина где-то там, в Тибете:

«Если, обнажившись до пояса, встанешь в озере Тенгри-Нур, встанешь так, чтобы нижняя часть спины отразилась в воде, то ниже поясицы появятся пятна небесного цвета. Это отметина Тэнири-Тенгри. И имя теперь тебе – небесный монгол. Имя тебе – тюрк. И в каком бы народе ты ни жил – и у детей твоих, и у детей твоих детей будет это небесное пятно. Они тоже будут посвящёнными в эту тайну, и в эту небесную связь, а саму тайну никогда не познают».

И хотя совсем по-другому зовётся это озеро в наши дни, связь эта не прерывается. Иногда эти пятна бирюзового цвета именуют «пятнами Чингисхана», но они, эти пятна, были задолго до появления «потрясателя Вселенной» и несли в себе цвет бирюзы – воплощения жизненной силы.

О принадлежности Чингисхана к тенгрианству свидетельствует и то, что в нынешней Монголии изображение Темуджина окаймлено многими символами, характерными для этой небесной религии. К примеру, тибетская свастика – символ огня и вечного движения или санскритское наименование знака-символа, изображающего крест в виде крюка. Кстати, древним грекам этот знак был известен от народов Малой Азии, а тем, видимо, от таримцев. У древних греков этот знак назывался «тетраскеле» – «четвероногое» или «паук». Он встречался у многих народов уже в эпоху верхнего палеолита и был связан с культом Солнца, а с VII века до нашей эры входил в буддийскую символику, означая

тайную доктрину Будды. У народов Индии и Ирана этот знак воспроизводился на старинных монетах ещё до нашей эры, во времена Авесты, проник в Китай и даже в Центральную Америку, где у народов майя олицетворял круговорот Солнца... Одним из прообразов изображения движения дневного Светила является «трискеле», что в переводе означает три фигуры, три ноги. Этот символ вечного движения встречается и в Японии, и в Сиккиме, и в Бутане, и в Монголии на штандартах Чингисхана, и является символом жизни. Необходимо особо отметить, что, видоизменив расположение сторон, Адольф Гитлер включил этот знак в свою идеологию арийства и антисемитизма. Однако нельзя путать истинную историю с мракобесием и с коричневой чумой фашизма. Этот древний, поистине исторический знак был обнаружен и в древних еврейских саркофагах.

Великими тенгрианцами были и Чокан Валиханов, и Лев Николаевич Гумилёв, несмотря на его православие. Мудрый Чокан в своём знаменитом шежере потомков-чингизидов не стал вести родословную от Чингисхана, а только от хана Барака, хотя, разумеется, прекрасно был осведомлен и по Левшину, и по Карамзину, и по собственным предкам о своём историческом происхождении. В моей библиотеке есть объёмный том «История Казахстана» Ермухана Бекмаханова ещё сороковых лет издания. В этой книге шмуцтитул главы «Колонизация Казахстана» был увенчан цепями рабства для непокорного народа. Я вспоминаю об этом спустя годы и десятилетия, когда на праздновании 200-летия Кенесары внезапно поднялась из-под небес угрожающая песчаная буря, пугающая своей свирепой чернотой собравшийся на праздничный той народ. Словно бы сами небеса не прощали недостойным потомкам то, что они не смогли отыскать голову мятежного хана Кенесары. А на 300-летию Абылай Хана во время аламан-байги пошёл стеной проливной дождь. И многие лошади этой памятной скачки погибли, не дойдя до долгожданного финиша. И это, думаю, тоже печальная дань по только местному празднованию юбилея великого хана Абылая, в духе «Кулагера» непревзойденного Акана-сери, в духе самой религии Тэнири-Тенгри, которая полна природных таинств.

Я чту уроки истории и всегда сверяю с ними взгляды и суждения своего земного бытия – тенгрианца и гражданина суверенного Казахстана. После великого переселения народов, спустя века, возник древний тюркский каганат. Это наш корень! Так утверждает Мухтар Магауин. Золотая Орда – наш знаменитый улус, установленный сыновьями Чингисхана – нашими предками. Синяя Орда – эпоха, открывшая путь к этническому единству казахского народа и сформировавшая саму государственную систему. Казахская Орда и Казахское Ханство Керей и Жанибека – это строй, окончательно закрепивший названный собственным именем наш народ в качестве этноса. И многие имена и названия племён и родов зарождались на единых когда-то землях Дешт-и Кыпчак.

Всей нынешней территорией суверенный, независимый Казахстан, так сложилось исторически, обязан сыновьям и потомкам Чингисхана, среди которых, разумеется, и хан Керей, и хан Жанибек. Многие потомки насмерть стояли между собой в борьбе за власть. Но необходимо подчеркнуть и отметить главное: ни пяди родной земли – Великой степи – они не отдавали внешнему врагу. Наоборот, если надвигалась опасность у ворот Родины, они, забыв все свои межродовые распри, объединялись в единый Казахский Эль, и каждый род, и каждое племя выводило на историческую арену борьбы за независимость своих легендарных батыров и полководцев.

Иртыш и седой Каспий, Хан-Тенгри и Зайсан, Тарбагатай и Алтай, Кокшетау и древний Отрар, Байканыр, Атырау, Актау, Аулие-Ата, Алмалы, Жидели Байсын, Жер Уюк, Казыгурт, Каркара, Туркестан, Тюре-Тумсук... А какие святые имена сохранил народ: Байдабек-баба, Домалак-Ана, Бекет-Ата, Ко-

быланды-батыр, Сырымбет-батыр, Коркыт-ата, Алпамыс-батыр, Ер-Таргын, Баян-Сулу, Кыз Жибек, Ер Тулеген, Ер Гостик...

Эти имена и названия в корне своём дошли до нашего времени. Дошли на молекулярном уровне, выстраивая на века и столетия этимологию великого казахского духа, казахского народа, казахской нации. И мы должны быть признательны ходу самой истории, благодаря которому живем на этой уникальной земле, древней и вечно молодой Великой Степи, переданной через потомков Чингисхана, через многолетние распри и мгновения единения перед врагом, переданной навеки нам, детям Алаша, гражданам суверенного Казахстана, современникам двадцать первого столетия!

III

Нынешнее поколение знакомится и постигает сокровища устного народного творчества, к сожалению, уже из книг, ибо почти весь фольклор записан за годы двадцатого столетия, и большинство эпоса, сказок, мифов и преданий опубликовано в периодической печати или издано отдельными книгами, количество которых насчитывает не один десяток томов.

Во всём этом есть свои достоинства и свои недостатки, и то и другое в определённой степени присутствует и влияет на наше сознание и на наш духовный миропорядок.

Хорошо, что всё это наконец собрано, пронумеровано, инвентаризовано и хранится в соответствующих анналах библиотек или научно-исследовательских институтов Академии наук. Хорошо, что труд ориенталистов и собирателей фольклора, их благородные старания и объективность в сборе и подаче собранного материала не прошли даром, ибо их трудами отныне пользуются тысячи и тысячи любителей и профессионалов фольклорных исследований, многочисленные сторонники и фанаты поэтического восприятия мира, да и сами творцы и создатели этой самой изящной словесности. Хорошо, что память народа, из поколения в поколение хранившая эти сокровища, теперь запечатлена в образе книги или на компьютерном диске и посредством всего этого, словно бы материализовавшись, несёт нам благородные мгновения прошлого.

Вызывает глубокое сожаление то, что мы в поиске своей литературной опоры в устной традиции и своё мифотворчество, и фольклорное восприятие мира, и основы этой самой устной традиции вынуждены черпать из книг, из книжного пространства, проступающего литературными образами сквозь частокोल книжного шрифта, или, в крайнем случае, видеть эти основы на файлах наших мониторов, а не быть и не являться непосредственно слушателями и живыми свидетелями действия, которое в одном лице вбирал в себя сказитель эпоса, жырау или жырши. То есть исчезла, и думаю, что навсегда², сама синкретичность фольклорного произведения, его изначальная и первородная слитность, соединение многих видов художественного творчества, когда сказитель в слитном единстве музыки и поэзии не только во всей драме чувств выражал то, что мы сейчас порою называем народным творчеством, он в силу своего мастерства вовлекал в этот «карнавал чувств» и самого слушателя, ради которого сказитель и жил на этом свете, ибо среди слушателей наверняка находились и будущие продолжатели его святого дела. И новый сказитель вносил свою художественную лепту во имя улучшения первоначального варианта народного предания, если этого требовало время, в которое он жил и творил, или же творческий уровень самого произведения. Если же фольклорная вещь по своим художественным параметрам выдерживала испытание временем, то сказитель оставлял произведение нетронутым и был просто

² За редким исключением Кызылординской школы жырау (Алматов А., Жусипов Б. и др.).

прилежным передаточным звеном в этой цепи творчества. Благодарная память народа сохранила для нас не только саму суть фольклорных произведений, она сохранила и имена лучших сказителей. Это – Жанак, Бекет, Шади, Умбетали, Айнабек, Султанбек, Жусупбек и многие другие.

Этих сказителей, которые находились в непосредственном общении с народом, со слушателями и оказывали на них своё образное влияние, Чокан Валиханов называл «ахунами», а Мухтар Ауэзов – «степными аэдами». Эти определения являются, на мой взгляд, тождественными в смысловом значении понятиям «жырши» и «акын».

Память исполнителя, в данном случае жырши или акына, становилась неотъемлемой частью сознания народа, передавая из поколения в поколение отдельные исторические события художественными средствами фольклора.

«Анализ поэм казахского героического эпоса и событий, о которых они повествуют, – писал в своей книге “Эстетика и эпос” Мирлан Каратаев³, – показывает, что перед нами не просто художественное изображение отдельных событий, оставшихся в памяти того или иного жырши или акына. События, на столетия отстоящие друг от друга и, естественно, связанные с разными историческими лицами, в эпосе воплощаются в одном традиционном сюжете с традиционными героями. Память отдельного человека, а также и память народа, сохраняет самое значительное в истории. История племён, живших когда-то на территории нынешнего Казахстана и Средней Азии, была насыщена бурными и значительными событиями, глубоко волновавшими народ и оставившими неизгладимый след в сознании народа».

IV

Как известно, эпоха Великого переселения народов, начавшаяся где-то во втором веке нашей эры, в целом завершилась в пятом веке. Она определённо в значительной мере изменила этническую и политическую карту Казахстана, Центральной Азии и Восточной Европы. Уже в шестом веке нашей эры среди евразийских степей господствовали тюрки. Небезынтересно было бы знать этимологию и само значение слова «тюрк».

По утверждению Губайдоллы Айдарова, этноним «тюрк» известен давно. С 522 года нашей эры «**тирклер**» обозначалось иероглифами, которые читались как «**тюркюэ**», а иногда «**тю-гю**». В табгачском языке фонема **p** отсутствует, поэтому в корне «**түрк**» звук **p** выпал, а **л** в аффиксе **лер** в силу фонетических закономерностей табгачского языка превратился в **y** после **рк**, благодаря чему эти иероглифы читались как «**тю-кюэ**».

Допускаю чисто поэтическую вольность, что в «**тю-кюэ**» прячется и корень слова «такия», то есть тибетейка в виде шапочки-фески, ибо слово «тюр» или «тюрк» в древнеперсидском языке означало слово «шлем». В связи с чем появление этого племенного названия объясняется так: «Гора лагеря этого народа имела форму шлема, и поэтому этот народ стал себя называть “**тю-кюэ**” или “**тюрки**”⁴. Такое значение термина «тюрк» внесено в литературу на западе Паркером, в России – Н. Я. Бичуриным.

А. Н. Бернштам и С. П. Толстов связывают термин «тюрк» с названием социальной организации кочевников⁵. Название «тюрк» или «тюркт» первоначально означало «сила, крепость». Вероятно, сначала лишь одно из племен и, может

³ Каратаев М. М. Эстетика и эпос. Алма-Ата: Жалын, 1977. С. 48.

⁴ Батманов И. А. Краткое введение в изучение киргизского языка. Фрунзе, 1947. С. 13.

⁵ Там же. С. 131.

быть, один из их вождей называли себя «сила, крепость». Но для такого объяснения ещё недостаточно оснований и фактов⁶.

Итак, как мы уже отмечали, нынешняя территория Казахстана вбирала в себя Западно-Тюркский каганат, в состав которого входили не только тюрки, но и согдийцы, которые освоили тюркский язык, его традиции и в свою очередь «распространяли в новой среде своё письмо, буддизм, буддийское культовое зодчество»⁷. Так происходило взаимовлияние народов этой территории, отразившееся в их этнополитической, материальной и духовной культуре. В Западно-Тюркском, а затем и в Тюркешском, и в Карлукском каганатах с приходом и слиянием между собой кимаков, огузов, кипчаков в последующие века устанавливаются политические отношения с Русью, Хазарией, Кавказом, Арабским халифатом, Персией, Индией и Китаем. Странно, что после утверждения политического господства тюрков на территории Казахстана имена почти всех местных племен исчезли со страниц письменных источников. Близкие тюркам по образу жизни и культуре, они относительно безболезненно влились в состав каганата. Политическое и этнокультурное объединение тюркоязычных племен в составе каганата положило начало процессу консолидации родственных, но разрозненных этносов.

«Среди населения Казахстана, – отмечал М. А. Акинжанов, – бытовали самые различные верования и представления. Основой религии древних тюрков было поклонение Небу (Тенгри) и Земле. Следующим по значению было женское божество Умай – покровительница домашнего очага и детей. Важное значение в веровании всех племен имели культы предков, священных гор. Значительная часть кочевого населения придерживалась шаманизма, почитала грозные силы природы, духов. Наряду с собственными верованиями в VI–IX веках среди тюркоязычного населения Центральной Азии получили распространение религиозные системы, созданные иными цивилизациями: буддизм, манихейство, христианство, ислам»⁸.

Как при таком разнообразии форм существования далекого нашего прошлого определить для себя наиболее важные векторы и ориентиры, которые изначально помогли бы исторически верно обозначить и диапазон эволюции культуры нашего народа, возврат его письменности и эстетику взглядов их составляющих?..

Великий евразиец Лев Николаевич Гумилёв утверждал, что «только тогда можно получить верные результаты, когда мы имеем достаточно обильный и широкий материал. Эта методика, которая одно время применялась в Западной Европе, уступила в наше время место узкой специализации. А узкая специализация не даёт возможность сделать верный и убедительный вывод – так как нет сопоставления на широком фоне, и мы не можем знать, случайно ли это совпадение или закономерно»⁹.

Учитывая то обстоятельство, что фольклор и древнейший эпос казахского народа вобрали в свою сюжетную линию, в свои образы и явления, наряду с вымышленными, фантастическими событиями, и реалии того исторического периода, необходимо исследовать и рассматривать эти литературные произведения в непосредственной взаимосвязи с историей, историографией, хронологической летописью исторических событий. И наоборот, исторические события того периода необходимо изучать в тесной связи с литературными явлениями, в первую очередь во взаимобъясняющей системе: история и фольклор.

⁶ Айдаров Г. Язык памятника Кюль-Тегину. Алматы: Ғылым, 1993. С. 70.

⁷ Акинжанов М. А. История культуры Казахстана. Курс лекций. Алматы, 1996. С. 7.

⁸ Там же.

⁹ Гумилев Л. Н. Меня называют евразийцем. Алма-Ата: Жалын, 1991.

Это всё, разумеется, не требует каких-либо доказательств, ибо это всё лежит на поверхности нашего сознания, является аксиомой и отправной точкой подобного поиска, однако историку, литератору и ученому необходимо, на мой взгляд, принять за основную закономерность то, что история литературы и литература истории – в принципе тождественные понятия именно в том аспекте, который определил для себя и всегда следовал ему Л. Н. Гумилёв.

Возьмем эпос «Козы Корпеш и Баян Сулу» в качестве наглядного примера неумирающей древности нашего фольклора и памятники древнетюркской письменности – надписи о жизни и борьбе Тоньюкука, Бильге и Кюль-Тегина.

В историческом ракурсе они ровесники, так как создавались в одно историческое время. Надпись, посвященная Кюль-Тегину, является своеобразным историческим и литературным документом, запечатлённым рукой человека и свидетельствующим о возрасте самой письменности не только казахов, но и огузов, кимаков, уйгуров, кыргызов и других тюркских племен, ибо эта надпись высечена руническим¹⁰ письмом, единым для тюркских народностей того периода, и полна литературных образов и явлений, характерных для фольклорных произведений этих тюркских племен.

Народы и племена («он оқ», «татары», «табгач», сепары (авары), кырк азы (кыргызы?), «кытаны» (тунгузы?), «тартушы», «таты» (инородцы?), тупуты (тибетцы), тургеши (тюргеши) и многие другие запечатлены в этой надписи, посвященной подвигам полководца Кюль-Тегина.

Орхоно-енисейские надписи наряду с табгачским на этой стеле подчинены единой фонетической основе – тюркской – их звуковой состав несёт в себе единый древнетюркский диалект, и, что самое главное, с незначительными изменениями он составляет незыблемую основу современного казахского языка, а также языков других тюркских народов, когда-то населявших Великий Туран.

Кюль-Тегин – сын Кутлуга, младший брат Бильге-кагана (Могиляна), родился в начале 685 года, скончался в 731 году. Надписи на китайском (табгачском) и тюркских языках сохранились и открыты Н. М. Ядринцевым в 1889 году. К слову, интересно проследить научные открытия, совершенные единомышленниками Чокана Валиханова.

В 1856 году П. П. Семенов совершил путешествие на Тянь-Шань и спустя пятьдесят лет, в 1906 году, получив указом царя приставку к фамилии, стал Семеновым-Тянь-Шанским. В 1874 году Г. Н. Потанин отправился в Монголию, увидел Туву, совершил путешествие от Пекина до города Ланьчжоу через страну Ордос и достиг Тибета. В конце XIX века Н. Венюков посетил Юго-Восточную Азию, Малайзию и Индонезию, а Н. М. Ядринцев опубликовал в Санкт-Петербурге труды «Орхонская археологическая экспедиция, 1892–1899 гг.».

«Есть день, который должен быть отмечен на календаре тюркологии красным числом, – 25 ноября.

¹⁰ Runa – тайна. Название письма связано с готским (древнегерманским) алфавитом. Руническое письмо было распространено по Рейну и Дунаю, в районах Шлезвига – Гольштинии, на Британских островах, в Ютландии, Дании, на Скандинавском полуострове. Время возникновения рунического письма относят к II–III в. н. э. См.: *Кочергина В. А. Краткий очерк истории письма. М., 1955. С. 32.* Многие тюркологи по сей день считают древнетюркский алфавит руническим. Эти алфавиты не следует смешивать, так как возникновение письма связано с древними периодами истории тюркских племен, с их древней культурой. Развитие древнетюркского письма охватывает длительный период, ещё до возникновения рунических писем Запада. См.: *Айдаров Г. Язык памятника Кюль-Тегину. Алматы: Ғылым, 1993. С. 17.*

Первым в мире узнал, что у кочевых тюрков была своя письменность, датский рунолог Вильгельм Томсен. 25 ноября 1893 года ему удалось выделить из текстов орхонских надписей первое слово – Тенгри», – подчеркнул Олжас Сулейменов в своей знаменитой книге «АЗ и Я»¹¹.

Датский ученый Вильгельм Томсен в 1893 году научно обосновал тюркское происхождение данного памятника. «Благодаря открытию памятника Кюль-Тегина оказалось возможным прочтение рунического письма, и данная проблема привлекла внимание практически всех историков и филологов, в круг интересов которых входила история тюркской культуры. Кроме того, велика заслуга Н. М. Ядринцева в противодействии европоцентристским теориям, утверждавшим о невозможности наличия азиатских центров происхождения культуры.

15 декабря 1893 года на заседании Датской королевской академии наук В. Томсен представил свой перевод рунических текстов, найденных на берегах Орхона.

Это было подлинно историческое, поистине великое научное открытие датского ученого в мировой лингвистике. После пятнадцати столетий забвения заговорили древнетюркские руны. Так был найден ключ к дешифровке древнетюркского письма»¹².

Надпись эта выбита на камнях-стелах и повествует о жизни и борьбе крупнейших тюркских полководцев и правителей Кюль-Тегина, Тоньюкука, Бильге-кагана. Автором одной из надписей, посвященных Кюль-Тегину, был ученый и поэт Йоллыг Тегин.

Этот памятник обследован рядом экспедиций Финно-угорского общества, которые возглавлял Х. Гейкель, и экспедицией Российской академии наук под руководством В. В. Радлова. В 1902 году памятник осмотрел и описал английский консул К. Кэмпбэлл, в 1909 году – де Лякост, в 1912 году его освидетельствовал В. М. Котвич. Детальное обследование было совершено в 1958 году монгольско-чехословацкой экспедицией. Много труда в расшифровку текста и его значения для научного мира было вложено казахскими учеными С. Аманжоловым, Г. Айдаровым, А. Курьшжановым, А. Аманжоловым, М. Жолдасбековым, О. Сулейменовым, А. Есенкуловым, Б. Каимовой, Б. Кульмагамбетовой, А. Хасеновой и др.

При раскопках 1958 года была изучена часть двух сидящих фигур – портретное изображение Кюль-Тегина, его жены и голова Кюль-Тегина. Стела с надписью имеет форму усеченной пирамиды, высота которой свыше трёх метров, ширина основания свыше одного метра, толщина около полутора метров. На одной из сторон щита изображена каганская тамга, на другой – табгачская надпись, содержащая дату сооружения памятника – 1 августа 732 года. Памятник с трёх сторон покрыт орхонскими надписями, а с четвертой – табгачской.

Из истории хорошо известно, что в период правления Капаган-кагана сыновья Тоньюкука, Эльтериша во главе с Бильге и Кюль-Тегинем совершили несколько успешных походов, в которых отразили набеги табгачей (китайцев), тем самым заставили Танскую империю признать независимость государства «голубых тюрков» – Второго Тюркского каганата.

В этот период Танская империя воевала со своим восточным соседом – киданями. В 696 году Капаган-каган, напав с внешней стороны на киданей,

¹¹ Сулейменов О. О. АЗ и Я. Алма-Ата: Жазушы, 1975. С. 271.

¹² Тасмагамбетов И. Н. Зримый образ великой культуры // Древнетюркская цивилизация: памятник письменности. Алматы: Гылым, 2001. С. 21.

полностью их разгромил. Довольная действиями тюрков, которые разгромили врага, императрица Танской империи по имени У присвоила Капаган-кагану звание великого Таниркута. Поняв тайный смысл Танской империи – превратить Второй Восточно-тюркский каганат в своего вассала, Тоньюкук попытался разрушить сотрудничество между императрицей У и Капаганом. С этой целью в 697 году он отправил в поход в приграничные районы Танской империи войско во главе с молодым полководцем Кюль-Тегинем, который вернулся с богатой добычей. При этом тюрки окончательно прояснили свои отношения с давним врагом – табгачами, сразившись с ними на поле битвы. Бильге и Кюль-Тегин одобрили предложение мудрого Тоньюкука. Капаган-каган вынужден был назначить Тоньюкука верховным главнокомандующим.

Надписи, посвященные деяниям и подвигам Тоньюкука, Бильге-кагану и Кюль-Тегину, наряду с аналогичными надписями Узынсу в местечке Уйтас (Семиречье) и Таласской долине, образуют своеобразный свод «вечных камней» древней тюркской письменности.

Известный учёный и культуролог Мурат Ауэзов в статье «Три советника» излагает свою трактовку этого письма, своё сугубо научное видение и весомое предположение о самом происхождении данного историко-литературного памятника: «На вершине опрокинутой в прошлое пирамиды письменной тюркской словесности или – что то же самое – её истоков обнаруживаются два стиля, типологическую характеристику которых, исходя из материала совсем других литератур, дал Э. Ауэрбах: в одном – описание, придающее вещам законченность и наглядность, свет, равномерно распределяющийся на всё и т. д., в другом – разработка представления об историческом становлении и углублении проблемных аспектов. Объясняется ли эта разница в стилях тем, что надпись в честь Тоньюкука действительно была первой и послужила своего рода отрицаемым образцом для последующей идеологизированной эстетизированной обработки? Или же мы имеем дело с разницей эстетической концепции – собственно древнетюркской, с одной стороны, и с другой – представленной воспитанником “государства табгачей”? Как бы то ни было, за Тоньюкуком встаёт его “табгачское” прошлое, которое скорее всего и побудило его высечь в камне историю своих деяний – степную модификацию излюбленного в средневековом Китае жанра исторических хроник»¹³.

Далее, раскрывая реальный образ Тоньюкука, когда против тюрков объединились табгачи, огузы, кидани, тюркешы и кыргызы, Мурат Ауэзов утверждает, что Тоньюкук, воспитанный «в духе государства табгачей», вдохновляет на бой тюркских беков, дрогнувших при виде значительно превосходящих сил противника: «Наступает воистину критический момент, и тут он находит довод, неотразимо действующий на его соратников: “Небо, Умай, священная земля-вода покарают (букв. раздавят) ведь нас!” Во всех орхонских надписях это единственное место, где действие покровителей тюрков – голубого неба, бурой земли-воды, богини Умай – не отнесено в прошлое, а вынесено в настоящее и в перспективу. В монологе Тоньюкука упоминание «покровителей» носит не тот условно-формальный характер, который, будучи свойственен другим текстам, дал основание исследователям говорить об использовании их в качестве постоянного литературного эпитета. Тюркский мир для него – не единственная данность, но то, что он выбрал для себя в альтернативной ситуации. Выбрал со всей определенностью, решимостью служить ему с полной отдачей сил. Ведь это он, Тоньюкук, “ночью не имея сна, днём не имея покоя, проливая свою красную кровь, заставляя течь свой чёрный пот, труды и силы отдавал...” В семнадцати сражениях против табгачей,

¹³ Ауэзов М. М. Три советника // Орхонские надписи. Кюль-Тегин. Бильге-каган. Тоньюкук. Семей: Международный клуб Абая, 2001. С. 227.

не говоря уже о бесчисленных боях с другими врагами, он шёл рядом с тюркскими каганами, чтобы «государство стало государством, а народ стал народом». Для личности такого типа крайне важна активизация всех средств, способствующих достижению главной цели. В том числе, разумеется, таких могущественных в кочевой среде тюрков, как их пантеистические культы».

В последний год прошлого столетия копия одного из этих памятников, выполненная японскими мастерами, была установлена в новой столице нашего государства – Астане. Символично то, что своим новым пребыванием в молодой столице нашего государства памятник Кюль-Тегину олицетворяет вечную духовную связь нашей великой древности с созидательной деятельностью суверенного Казахстана, евразийская направленность которого соответствует духу нашего времени. Ощущение великих корней прошлого помогает нам, представителям двадцать первого века, найти своё историческое место в эпоху нарастающей глобализации, осознать неслучайность своего пребывания в этом вечно меняющемся мире.

Образы, возникающие при чтении этих «вечных камней», словно наскальные изображения Сары-Арки, Мангыстау и Тамгалы, высеченные рукой мастера-первопроходца, движимого всем «ужасом тела»¹⁴ от увиденного и услышанного, превращая тем самым своё существование в созидательную работу мысли и творческое восприятие мира, в своей основе поэтичны и метафоричны, и эти метафоры древности возникают не при созерцании видеоряда наскальных изображений, хотя одно это уже свидетельствует о творческой направленности каменных полотен. Эти образы и метафоры возникают при расшифровке иероглифов, а затем и при самом чтении этих надписей. Они зарождаются в процессе этой созидательной работы в умах и настроениях тех, кому эти надписи адресованы, то есть представителям грядущих поколений от даты создания памятников Тоньюкуку, Бильге-кагану и Кюль-Тегину – нашим прадедам и дедам, нашим отцам и братьям, нам и нашим детям, внукам и правнукам. Осознание всего этого велико и ответственно. Будем же в своих помыслах и деяниях достойны этой исторической ответственности.

V

«За иным эпитетом, к которому мы относимся безучастно, лежит далекая историко-психологическая перспектива, накопление метафор, сравнений и отвлечений, целая история вкуса и стиля в его эволюции от идей полезного и желаемого до выделения понятия прекрасного», – писал академик А. Н. Веселовский¹⁵.

Давайте проследим эволюцию слова «казах», исследуем его этнический термин, ссылаясь на документы и научные труды ряда ученых. Появление этого термина характерно для завершения этногенетического процесса, начальные корни которого относятся к глубокой древности.

Десять племен на территории Казахстана, которые, по официальным сведениям византийских послов Земарха, Валентина и византийского историка Менаандра Протектора назывались саками, объединились в 553–554 годах в единый союз перед угрозой физического уничтожения со стороны Жужанской империи и окончательно сформировались в единый Западно-Тюркский каганат. Китайская империя того периода называла это объединение «Народом Запада». Древние тюркские письменные памятники именовали эти племена «Десять племен простого народа внутренних тюрков» («Он ок будун»)¹⁶. Со временем племена вклю-

¹⁴ И. Анненский.

¹⁵ Веселовский А. Н. Историческая поэтика. Л., 1940. С. 73.

¹⁶ Малов С. Е. Памятники древнетюркских письменности. М., 1951. С. 42–43.

чат в себя тюргешей, карлуков, кипчаков и других. У них были общая территория и общая граница. Память народа сохранила для нас и другое название объединения этих племен – кас-сак, кай-сак, каз-сак (сак-каз). Отсюда и всеобщее собирательное название «казах». Этот процесс являлся особой формой сложения казахской народности на основе объективных условий формирования исторической общности языка казахского народа, его культуры, территории и экономики, движущей силой которого были народные массы десяти племен территории Казахстана, имевших между собой тесные связи, обусловленные кочевым образом жизни. «Но органическому объединению всех этих членов союзов (элов) в единый союз (эль) с единым именем казах (без племенных названий) препятствовали специфические условия кочевого образа жизни, – писал М. Б. Ахинжанов¹⁷, – при котором происходило посезонное объединение и разъединение членов союза. Но это не мешало и не могло мешать реальному существованию единого казахского народа с общим собирательным именем “казах” – особо оно проявлялось в период угрозы общей внешней опасности».

В своей статье «Таңбалар тарихынан»¹⁸ Олжас Сулейменов впервые высказывает мнение о том, что уже в Бехистунской надписи (VI век до н. э.) упоминается этноним *kasak*. Далее, спустя тридцать лет, О. Сулейменов возвращается к этому открытию, расшифровывая древнеиранскую слоговую клинопись и надпись, выбитую в барельефе над головой персидского царя Дария I: «Барельеф изображал великого Дария, восседавшего на престоле. Перед ним стоят девять фигур – пленённые участники заговора против шахиншаха. Девятый – явно не перс. Персонаж в остроконечном головном уборе. Над его головой надпись *sk-un-ha-s-ak*. Генри Роулисон узнал упоминаемый Геродотом этноним *o Sakos* – “сак” – “кочевники Центральной Азии”: *o* (ko) артикль мужского рода; *-os* – окончание мужского рода. Определившись с двумя последними знаками (*s-ak*), исследователь объединил остальные, предложив считать полученное звуко сочетание антропонимом: *skunha-sak*. Так Скунха-сак вошёл в историографию.

Каждое имя некогда было словом-понятием. В мировой ономастике соответствий *skunha* не обнаруживается. И в словарях также.

Надпись не пострадает, если мы попытаемся распределить слоги в ином порядке: *skun hasak*. Титул и этноним. «**Вождь (воевода) хасак**». Праформа могла быть **iskun kasak*. Буквально: «Второй касак», а если учесть озвончение между гласными, то устно – «казак».

Этноним мог произноситься в диалектах и *kosak*, что привело к переразложению в древнегреческом **ko sak(os) > `o sak(os)*.

Пока будем считать возможным, что этноним *kazak* (*kasak, gazak, gzak, kozak*) находит своего предтечу в звуко сочетании *hasak* из Бехистунской надписи VI века до н. э. *Skun hasak* – «Вождь (воевода) хасак»¹⁹.

Об этой ранней научной работе О. Сулейменова вскользь упоминает В. П. Юдин в своей статье «К этимологии этнонима казах (қзақ)», которая была написана в середине шестидесятых годов прошлого столетия и впервые опубликована только в 2001 году²⁰.

¹⁷ Ахинжанов М. Б. Происхождение и формирование казахского народа: Автореферат диссертации на соиск. ученой степени доктора ист. наук. Алма-Ата, 1971.

¹⁸ Сулейменов О. Таңбалар тарихынан // Қазақ әдебиеті. 1966. 25 ноябрь. 49 (828).

¹⁹ Сулейменов О. О. Язык письма. Собр. соч. Алматы, 2004. Т. 4. Кн. 2. С. 164.

²⁰ Юдин В. П. Центральная Азия в XIV–XVIII веках глазами востоковеда. Алматы: Дайк-Пресс, 2001. С. 167.

О появлении энтонима «казах» свидетельствует в X веке арабский путешественник Абу-Дулеф, называвший территорию Западно-Тюркского каганата, т. е. страну десяти племен («Он ок будун»), именем «казлау». Имена «касах» и «кайсаг» были известны русским летописцам XII века. А византийцы, как мы уже отмечали, ещё раньше знали страну «Казахия».

«Древние казахи, – писал Ч. Ч. Валиханов, – по свидетельству китайцев и мусульманских писателей имели письмена и стояли, сравнительно других кочевников, в высшей степени культуры»²¹.

Для чего необходимо приводить уже известные истины и эти исторические справки? Думаю, что в настоящее время витает в воздухе нечто такое, что сродни национальной идее. Более чёткое определение этого поиска должны дать историки и политики. У меня, поэта и писателя, более скромная роль. Определить в нашем общем поиске, коими, на мой взгляд, являются наш древний фольклор и наша древняя письменность, их возраст и взаимосвязь, их единое географическое месторасположение. На вышеуказанных примерах в какой-то мере определены основы нашей письменности. А как же фольклор?

Ведь несмотря на прекрасное искусство речи, выбитое на «вечных камнях», географический размах образов, запечатлённых в камне, литературную первооснову данного документа, это всё-таки протокольный документ, своеобразная декларация о днях минувших и годах грядущих, несмотря на свою эпитафийную направленность.

А как же фольклор с его характерными особенностями как литературного явления? А фольклор развивался по всем законам развития человеческого общества и, я бы сказал, по определенному принципу известного «осевого времени»²².

Возьмем VI век, то есть время рождения лиро-эпической поэмы «Козы Корпеш – Баян Сулу». В это время появились поэмы и драмы Калидасы, книга назидательных рассказов «Тантракхьяника», трактаты китайского поэта Цао Пи «Рассуждения об изящном слове», стихи Ван Вэя, Ли Бо, Ду Фу, арабские легенды описания жизни Антары, «Деяния Апостолов» в Риме, «Тёмные века» и ирландские саги, «Эдда» и цикл «Нибелунги». Это и есть литературное «осевое время», когда литературные произведения мирового уровня появляются одновременно в разных странах и регионах земного шара.

Основой лиро-эпоса «Козы Корпеш – Баян Сулу» является вечная тема любви, страдания и борьбы влюблённых за свое счастье. Обычай и быт, родовые взаимоотношения органически входят в ткань повествования, в фабулу сюжета.

Мухтар Омарханович Ауэзов писал: «Есть традиция на Востоке, когда спетую каким-то классиком тему повторяет другой поэт следующего поколения, ведёт повествование, сочиняет свежий дастан. Заимствование тем друг у друга было узаконено. Не повторяя полностью стихотворного текста и в основном свободно меняя его, исполняли легенды заново. Схожесть тем у различных акынов ни в коем случае нельзя считать переводом. Это по-своему заново исполненный целый дастан или традиция поэтического состязания в стихотворчестве»²³.

Когда аул посещал жыршы-киссагай, народ слушал его всю ночь, увлечённый невероятными трагическими судьбами героев эпоса Козы и Баян. Это объясняется манерой исполнения произведений, их большим эстетическим воздействием на слушателей. То есть возникала та самая синкретика, о которой уже говорилось. Народ в своей памяти сохранил имена сказителей этого эпоса

²¹ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. 1. С. 366.

²² Данный термин, а точнее «осевая эпоха», принадлежит К. Ясперсу. Энциклопедический фил. словарь. М., 1982.

²³ Ауэзов М. О. Племя младое. Алма-Ата, 1979. С. 343.

Жанака и Бейсенбая, ибо благодаря им эпос «Козы Корпеш – Баян Сулу» дошёл до нашего времени в своем поэтическом совершенстве.

Эпос «Козы Корпеш – Баян Сулу» исполнялся на особые мелодии, отличающиеся своей напевностью. Впоследствии исполнителей эпоса разделили на акынов-книжников, создающих киссы, и на непосредственных исполнителей. Например, одним из акынов-книжников был интереснейший человек Шакир-ата Абенов. У него был свой вариант эпоса «Козы Корпеш – Баян Сулу», во многом отличавшийся от других версий. Широко известна запись этого эпоса, выполненная Чоканом Валихановым. А вот запись этой легенды, которая была обнаружена в архиве Александра Сергеевича Пушкина: *«В прежние времена жили два приятеля, кои хотели ещё боле между собою сблизиться. Положили завет: родившихся у них первых детей мужеска и женска пола соединить браком. В скором времени родился у одного сын, названный Косукурпеч, а у другого – дочь Сулу-Баяна. У Косукурпеча отец помер. Малолетний сын у сего пришел в нищету, а отец Сулу-Баяны более разбогател и, не желая дочь отдать за бедняка, откочевал в отдаленные страны. Между тем Косукурпеч начал возмужать и осведомился, что за него помолвлена невеста по имени Сулу-Баяна, отец которой откочевал неизвестно куда. Косукурпеч, обиженный удалением его суженой, почувствовал желание отыскать ее и по праву высватания взять в замужество. Пустился в путь отдаленный, неизвестный, странствуя по аулам. Напоследок достиг того места, где живет Сулу-Баяна. Видая ее часто, занимаясь паствою и уборкою скота вместе, получили склонность, не зная однакож, что они за сватаны. В одно время в ауле отца Баяны сделался набег. Мужчины и здоровые женщины пустились на защиту, а Косукурпеч и Сулу-Баяна остались одни в табунах скота и доением кобыл. При сем случае открылась склонность Баяны. Но Косукурпеч, чувствуя свою бедность, и оттого некоторое рабство, не считал вправе приступить к взаимной любви, но взаимность и условие отцов привело их в страстных любовников.*

Родные и женихи Баяны, заметив сие, препятствуя намерениям любящихся, старались отклонить любовь их, и в особенности соперник Кул, который всячески желал погубить Косукурпеча. Однажды съехались в поле Кул и Косукурпеч. Последний требовал у Кула удачного выстрела в мизинец, каковой исполнил желание, удачно отстрелил у Косукурпеча мизинец, и как стрела его была намазана ядом, оттого Косукурпеч в ближайших горах находился в мучении болезни.

Сулу-Баяна, не видя возлюбленного, отыскала его в умирающем положении. Все старания ее по излечению остались тщетны, после чего прибегла к усердным молитвам богу. Как были услышаны, явился ей почтенных лет старец, который спросил, что она желает, которая просила оживить возлюбленного на три дня, что и было исполнено. Сулу-Баяна же провела с Косукурпечем в совершенной радости и веселии, песни слышали родные ее. Покончив 3 сутки, Косукурпеч помер. Сулу-Баяна, обратясь в аул свой, увидясь с женихом своим Кулом, объявляя ему, что она лишилась возлюбленного своего и желает смыть лютую печаль свою, просит Кула выкопать колодезь своими руками и достать свежей воды, которой она умоется. Колодезь был готов, и дабы не сомневался Кул последствий Баяны, при спуске в колодезь Кулу дала держаться за длинные ее косы. Как она обрезала, и Кул пал в колодезь. Сулу-Баяна же поспешила его забросать землей, сама пришла в кибитку отца, легла между сестрами и подругами. Поутру нашли ее заколовшуюся».

Всё это, как и многое другое, связанное с эпосом «Козы Корпеш – Баян Сулу», говорит о мировом значении этой легенды о любви, возраст которой – полторы тысячи лет! Хотя академик Алькей Маргулан утверждал, что возраст поэмы насчитывает и все двадцать столетий!

21 июня 2002 года в Алматы прошла Международная научно-практическая конференция «Эпос “Козы Корпеш – Баян Сулу” и тюркский мир», посвящённая 1500-летию великого казахского эпоса, на которой с большим знанием изучаемого предмета говорилось об этом древнейшем памятнике казахской литературы, о его историческом месте в мировой культуре, а также о проблемах в изучении тюркского фольклора на современном этапе.

К многовековому юбилею бессмертного эпоса Институтом литературы и искусства им. М. О. Ауэзова был подготовлен и издан объёмистый том «Козы Корпеш – Баян Сулу», куда вошли варианты записей эпоса Чокана Валиханова, В. В. Радлова, Жанака, Г. Н. Потанина, Н. И. Ильминского, Машхур Жусупа Копеева, а также статьи известных ученых и писателей, посвящённые исследованию этого народного творения. Академик С. А. Каскабасов в своей фундаментальной статье «Верх казахской эпики» подчеркивает: «Эпос “Козы Корпеш – Баян Сулу” – самое раннее эпическое романическое произведение – преследовало цель показать, как у молодых людей зарождалась любовь, как она крепла и превращалась в сильное чувство и как за неё боролись влюблённые. Это было ново для общества того времени, когда эпические произведения обычно посвящались героическим деяниям богатырей. К тому же создание эпического произведения о семейно-брачных отношениях означало в ту эпоху не только отход от поэтической традиции, но прежде всего незаконное вторжение в быт и семейную жизнь человека, выведение внутрисемейных вопросов на всеобщее обсуждение. Подобное произведение должно было затронуть нравственные проблемы общества, которые в то время невозможно было не только осуждать, но даже обсуждать.

Создать в таких условиях эпическое произведение о двух молодых людях, которые вопреки воле родителей полюбили друг друга и хотели соединиться (ведь и Козы едет искать любимую Баян вопреки желанию матери, и Баян любит Козы, хотя отец против), было нелегко и требовало от создателей не только мужества, но и большого художественного мастерства).

Участники конференции из России, Кыргызстана и Казахстана проанализировали своеобразие самого любимого в нашем народе эпоса, который отнесен к золотому фонду казахской литературы и занимает достойное место среди шедевров мирового искусства. Уникальность этого выдающегося произведения состоит в том, что он имеет 33 варианта, девять из которых изданы.

Видимо, услышав удивительную, сильную по восприятию историю трагической любви двух влюблённых, сказители каждого живущего по соседству народа считали своим духовным долгом переложить её на свой язык, дать героям свои имена, сделав тем самым их ещё ближе и роднее.

В башкирской версии имена героев эпоса звучат как Козы Курпеч и Маян Хылу, в уйгурской – Боз Корпаш и Карасач Ателе, в алтайской – Казын Эркеш и Казюйке. Каждый добавлял в сюжетную линию свою версию и своё видение. Об этом, в частности, очень аргументированно говорил профессор Горно-Алтайского государственного университета, академик С. Каташ. У алтайцев существует шесть версий «Козы Корпеш – Баян Сулу» – по количеству племён, и так как у этого народа более выражена тяга к мифологии и шаманству, они и добавили в удивительно музыкальное, поэтическое произведение казахов свой мистический, сказочный «колерит». «Соловей, пропевший песню в вашем саду, перелетел в другой сад и с ещё большим вдохновением пропел ту же песню», – так очень образно определил происхождение множества версий мэтр башкирской поэзии Мустай Карим. Неизменным на протяжении полутора тысяч лет оставалось одно – эпос «Козы Корпеш – Баян Сулу» провозглашал торжество любви и света наперекор злу и обману.

В принятой резолюции отмечалось, что необходимо и в дальнейшем продолжать изучение эпоса, развивать сотрудничество с учёными и переводчиками

М. Ауэзов и Б. Канапьянов

ми России и тюркского мира, увековечить память бессмертной любви в монументе, где должна быть отражена распространенность версий эпоса «Козы Корпеш – Баян Сулу» среди многих народов. Один из участников этой конференции, известный писатель и критик Константин Кешин привёл слова Виктора Шкловского, когда он, вспоминая свою жизнь в Казахстане, определил поэтичность степи ёмко и метафорично: «Здесь звёзды лежат в траве».

Возникновение Великого Шёлкового пути В. Шкловский сравнил с наиболее выдающимися интеллектуально-художественными открытиями человечества. По Шкловскому, и семь ног родились в степи, и

купольная архитектура ведёт своё происхождение от юрты.

Константин Кешин, вспоминая незабываемую встречу с писателем, признаётся, что В. Шкловский так всё это поэтически рассказывал, словно сам был одним из степных сказителей: «Мы зачарованно слушали и будто бы своими глазами видели, как переписанное изысканным почерком средневекового каллиграфа лирическое сказание “Козы Корпеш – Баян Сулу” невидимо пересекало в караванных вьюках необозримые пространства, как бессмертный сюжет преображался в мелодраматическую любовную новеллу итальянца Маттео Банделло, чтобы вскоре стать трагедией “Ромео и Джульетта”». Я полностью солидарен и согласен с тем, что великий эпос во времена масскультового клипового сознания может стать чистым и первородным источником многих духовно-просветительских начинаний. «Козы Корпеш – Баян Сулу» – это и вечные вопросы бытия, и возвышенное знание о человеке, и пример любви, неподвластной корысти, злобе и зависти, и камертон необыкновенно богатой поэтической речи.

На конференции говорилось о необходимости национальной идеи, о поиске интеллектуально-нравственного явления, что объединяло бы и вдохновляло, душевно и духовно поддерживало бы всех нас, ибо из глубин полуторатысячелетия нам словно бы дан ключ к поэмам Гомера, «Гильгамешу», «Нибелунгам», «Слову о полку Игореве» – эти памятники понятнее и ближе, когда принимают в своё семейство «Козы Корпеш – Баян Сулу». Вот такие, далеко идущие, мысли могут возникнуть у читателя заинтересованного, равнодушного к культурному наследию своего народа.

VI

За последние годы не раз поднималась волна публичных дискуссий по поводу национальной идеи Казахстана.

«Какой идеей можно объединить людей? На какой основе? Под какими флагами? Есть ли у них потребность друг в друге? И какая именно должна быть идея, чтобы уравнивать их в процессе достижения великой цели?» – вопрошает один из авторов публикаций²⁴. И далее следует, что общенациональные идеи,

²⁴ Туник С. Идеальный вариант (Реально ли сегодня в Казахстане появление общенациональной идеи) // Мегаполис. 2005. 22 августа.

концепции и другие масштабные проекты нереальны, ибо всё равно они остаются одной только декларацией.

«Идея, примеряющая на себя определение национальной, в первую очередь должна быть поддержана большинством населения данной страны, а также её основными политическими, экономическими и общественными институтами, и не входить в противоречие с объективными общемировыми тенденциями», – резонно отмечает Мубарак Балтабаев в своей статье «Национальная идея: вездесущая и неуловимая»²⁵. Ссылаясь на труды философа и психолога К. Г. Юнга «О психологии бессознательного», автор статьи предполагает, что национальная идея должна восприниматься не только сознанием, а априори находится глубоко в подсознании, неся в себе «изначальную идею – образ». В поисках на многочисленных и бесконечно протяженных ярусах коллективного подсознательного своего народа, которые формировались и систематизировались тысячелетиями, своего единственного «философского камня», достойного стать самой национальной идеей, автор проводит проекцию национальной идеи на подрастающее поколение: «Всё – для детей, всё – во имя детей, всё – ради детей!»

Серию статей под общим названием «Свой путь» в течение трёх месяцев публиковал в газете «Свобода слова» философ Нурлан Амрекулов. По его утверждению, Казахская степь в образе Орды от Чингисхана, Абылая и Кенесары до нашего XXI века всегда была открыта, куда влиться мог каждый. Степь, по его утверждению, всегда была родиной бунтарей, ссыльных и диссидентов, как её антипод-собратья США. Образно говоря, вершина этой Степи – пик Хан-Тенгри – символ свободы, величия и несокрушимости тюркского духа.

«Реальное оздоровление этнополитической ситуации в стране и психологического самочувствия казахов может быть обеспечено не за счёт создания неких институциональных условий для защиты большинства от меньшинств, а путём формирования у казахов представлений об их действительной роли в деле национальной интеграции общества», – утверждают авторы статьи «Казахская миссия» Берик Абдыгалиев и Аскар Ахмеджанов²⁶.

«Потребность в национальной идее есть следствие нашей советской идеологической традиции. И именно поэтому любые попытки убедить кого-то, что национальная идея – это в лучшем случае миф, а в худшем – идеологический рецидив из нашего тоталитарного прошлого, как правило, встречает неприятие, – констатирует Сергей Дуванов. – Это можно понять на уровне обыденного сознания, но когда потребность загрузить нас очередной национальной идеей исходит от людей, способных на анализ, – остаётся только развести руками»²⁷.

Обзор данных публикаций показывает, что сама необходимость национальной идеи не приводит к её автоматическому возникновению, а следовательно, к дальнейшему пути и этапам её воплощения в нашу действительность. На данный момент мы можем судить об определенном базисе, на почве которого, безусловно, может сформулироваться, а затем и сформироваться эта идея. Сегодня мы имеем пока только предпосылки возникновения этой идеи. Не размениваясь на частности, могу со всей убежденностью заявить, что и базис, и предпосылки – это наше великое прошлое. Великое и по возрасту нашего многовекового бытия, и по чаяниям, и по деяниям наших предков.

Государственная программа «Культурное наследие» – это только первые, но уверенные шаги на тернистой тропе познания прошлого во имя постижения

²⁵ Эпоха. 2007. 2 февраля.

²⁶ Свобода слова. 2008. 21 февраля.

²⁷ Дуванов С. В лучшем случае – миф, в худшем – рецидив // Республика. 2008. 22 февраля.

будущего, ибо конечный результат предвиден и уже осязаем. Это, на мой взгляд, перевоплощение образа-термина «Культурное наследие» в зримый и ёмкий образ-действительность «Наследие культуры».

«Вместе с каждым!» – вот мой девиз и принцип в поисках своего «философского камня» и своей истины.

В начале нашего столетия группа учёных выступила с обширной программной статьей «Национальная идея: предложения к обсуждению»²⁸, где проанализирована востребованность национальной идеи, а также опыт других стран и народов, влияние надвигающейся глобализации на само содержание национальной идеи, нынешнее состояние и возможности общества к восприятию консолидирующего начала. «В содержании национальной идеи в условиях Казахстана, – утверждают авторы этой статьи-программы, – должно преобладать гуманитарное начало, а не сугубо прагматическое. Только в таком случае национальная идея может служить подлинной идейно-духовной парадигмой казахстанского общества, основываясь на ценностях либерализма и демократии, идеях государственности и гражданского общества, исторически сложившихся культурных традиций и нравственно-этических норм казахстанского народа как надэтнической общности».

Полагаю, что это верно.

VII

В постоянно действующей экспозиции отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа, посвящённой одному из интереснейших периодов нашего прошлого – скифскому, – выставлены экспонаты и археологические находки из богатейших «царских» курганов древних скифов, показаны различные аспекты из жизни древнего населения (культы и верования, хозяйство и торговые связи), а также уникальные элементы и образцы культуры и искусства.

Из всех залов выставки, включающих в себя экспонаты скифской эпохи Северного Причерноморья, Северного Кавказа, Украинской лесостепи и Прикубанья, отсутствует один – экспонат Исыкского кургана, что расположен вблизи Алма-Аты.

Скифы-кочевники – одни из самых известных номадов древнего мира. И одни из самых первых. Они открыли бесконечную череду кочевых племён и народов, сменявших друг друга на южных просторах нашей страны на протяжении многих веков мировой истории: скифо-саки, массагеты, гунны, хазары, печенеги, куманы-половцы, монголы.

«Древние авторы писали, что в степях и предгорьях Казахстана и в соседних районах жили многочисленные племена массагетов, саков, исседонов и аргиппеев. Краткие, порой противоречивые сведения о хозяйстве и быте этих племен, повествования о “царях” и “царицах”, таких как Скунха, Зарина, Спаретра, Томирис, переплетаются с рассказами о стерегущих золото грифах, одноглазых аримаспах, образуя невероятно пёструю смесь легенд и картин действительности.

Разобраться в этом клубке реальности и небылиц – дело нелёгкое, и прежде всего потому, что большинство сведений получены древними авторами из «вторых рук». Древнегреческий историк V века до новой эры Геродот, например, писал: «Я не могу найти никого, кто бы сказал, что знает те страны как очевидец». Спустя четыреста лет географ и путешественник Страбон утверждал: «Народы, живущие по ту сторону Каспийского моря, назывались одни саками, другие массагетами, причём писатели не могли сообщить о них ничего достоверного, хотя и рассказывали про войну Кира с массагетами. Вообще ничего положительного не

²⁸ Ашимбаев М., Косиченко А., Нысанбаев А., Шоманов А. Национальная идея: предложение к обсуждению // Казахстанская правда. 2005. 7 апреля.

добыто исследователями об этих народах... вследствие легкомыслия историков и их пристрастия к сказкам»²⁹.

Конечно, чрезмерный скепсис Страбона не оправдан. Тем не менее эта, в сердцах написанная, фраза как нельзя лучше говорит об отрывочности и неполноте письменных сведений о племенах древнего Казахстана³⁰.

Появление скифов на исторической сцене совпало с событием всемирного значения – распространением железа в качестве материала для производства многих вещей. Так утверждает культуролог Мурат Ауэзов. Как когда-то на смену камню пришли медь и бронза, так теперь их вытесняло железо. И это оказалось более важным, чем постепенная и далеко не полная замена камня цветным металлом. Такое событие можно назвать революционным переворотом в технике, так как в обиход вошли железные удила для коней многотысячного войска, и они, эти удила, были твёрже и долговечнее бронзовых, а орудия быта и боя из железа – острее и тверже. Да, железная руда в природе встречается чаще медной. Появился и железный меч – акинак, важный для скифов-кочевников, сыгравший и губительную, и спасительную роль.

Со становлением кочевого образа жизни резко расширились культурные связи между близкими и удаленными друг от друга племенами степей. Неизбежные при перекочёвках частые и разнообразные встречи и контакты содействовали быстрому распространению культурных достижений среди всего степного кочевого населения. По этой причине у всех номадов на колоссальных пространствах Юго-Запада и Востока сложилась сходная в ряде отношений культура, ибо они одинаково проводили жизнь на конях и в повозках, всегда находились при стадах, питались теми продуктами, что давал скот, пользовались приспособленными к кочевой жизни домашней утварью и одеждой. Две особо важные для них группы вещей – предметы оружия и конской сбруи по своим формам были схожи у многих племен скифо-саков. Нравы и обычаи, религиозные представления, духовный мир, преломленные в образах искусства, – в целом изобразительное творчество – несут ту же печать сходства.

Скифы долго были хозяевами степных просторов. Их история насчитывает около 1000 лет – огромный пласт и период времени, насыщенный вереницей различных событий, о большей части которых нам ничего не известно. К тем проблемам скифской истории, прояснение которых весьма слабо проглядывается сквозь тьму веков, принадлежит вопрос о происхождении этого народа. Уже в V веке до н. э. на сей счет существовали различные представления.

Первый выдающийся историк человечества Геродот приводит в своем труде «История» три версии-легенды. По двум из них, скифы на территории Северного Причерноморья обитали издавна, более того, были первыми жителями страны. Согласно третьей версии, скифы пришли из Азии, где их теснили другие племена. Приведём одну из легенд Геродота, стилизованную под современный лад:

«Геракл пас стадо быков возле Геракловых столбов. С могучих плеч его свешивалась шкура немейского льва, в руке держал он палицу.

Шло время, и истаяла трава на пастбище. Сев в колесницу, Геракл погнался стадо на восток, за Понт Эвксинский, где были обширные степи и много сочной травы.

В степи было холодно. Завернувшись в львиную шкуру, Геракл лёг на траву и заснул. А когда проснулся – ни коней, ни колесницы не было.

Огорчённый Геракл пустился на поиски пропавшей колесницы. Он обошёл всю огромную степь, но не встретил ни одного человека, у которого мог бы спро-

²⁹ Страбон. География. Кн. XI.

³⁰ Агапов П., Кадырбаев М. Сокровища древнего Казахстана. Алма-Ата: Жалын, 1979. С. 15.

сильно о пропаже. Наконец он очутился в горной стране тавров. В одной из пещер Геракл увидел странное существо: полудеву, полузмею. Изумился он, но вида не подал.

– Кто ты будешь? – спросил.

– Я богиня Апа, – ответила змееногая женщина.

– Богиня Апа, не видела ли ты сбегавших моих коней?

– Кони твои и колесница твоя у меня. Но возвращу я их тебе только при одном условии: ты останешься здесь и будешь моим мужем.

Не мог Геракл тащиться пешком на родину, на другой край света. Он согласился и остался жить у богини Апы. Змееногая женщина не спешила возвращать колесницу и коней, ибо полюбила Геракла и хотела удержать его подольше.

Так продолжалось до тех пор, пока у них не родилось трое детей. Тогда Апа привела Гераклу его лошадей, запряженных в колесницу, и произнесла такие слова:

– Мне не хочется расставаться с тобой, но ты тоскуешь по родине. Я сдержу данное тебе слово. Возьми своих коней и колесницу. Только скажи, что мне делать с сыновьями, когда они вырастут? Отослать к тебе или оставить в моих владениях?

Геракл рассудил так. Он снял с себя пояс с золотой чашей на пряжке, взял лук со стрелой и показал, как он натягивает тетиву. После этого отдал лук и пояс богине Апе и сказал:

– Когда сыновья вырастут и возмужают, пусть наденут пояс и попробуют натянуть тетиву моего лука. Кому из них пояс мой придется впору, кто из них сможет натянуть тетиву моего лука так, как я, пусть останется здесь. А кто не сумеет это сделать, отошли прочь.

Прошли годы. Сыновья Геракла выросли, возмужали. Тогда мать их, змееногая богиня Апа, дала им отцовский пояс и лук. Двум сыновьям пояс был слишком большим и тяжелым, и у них не хватило сил натянуть тетиву Гераклова лука. Они были изгнаны из страны.

А третьему сыну пояс Геракла был впору, и он натянул тетиву лука так, как отец. Это был младший сын по имени Скиф. Он остался в стране и от него пошло славное скифское племя, поселившееся в таврских и приднепровских степях, где когда-то Геракл пас своих быков³¹.

Кстати говоря, в Крыму есть местность Сака-Саки. Интересна и познавательна книга по этой тематике Самуэллы Фингарет «Скифы в остроконечных шапках», а казахский писатель Булат Джандарбеков является автором дилогии «Саки», в которую вошли романы «Томирис» и «Шырак».

Современные ученые, привлекая даже археологические материалы, пока без особого успеха пытаются прочитать первую страницу скифской истории. Прочтений, и нередко взаимоисключающих друг друга, накопилось довольно много. Суть некоторых из этих гипотез о происхождении скифов сводится к тому, что они были пришедшими со стороны племенами, пришельцами, явившимися с Востока, из-за Волги.

VII век до н. э. был чрезвычайно бурным столетием в скифской истории, эпохой дальних походов и странствий. Скифы двинулись на юг, прошли Кавказ и достигли района древнейшей цивилизации – стран Передней Азии. Здесь они стали участниками сложных международных событий. Об этом периоде истории скифов наука более осведомлена благодаря восточным хроникам и сообщениям греческих авторов.

³¹ Легенды Крыма. Издание 8. Симферополь, Крым, 1970. С. 8.

В конце VII до н. э. скифы приняли участие в событиях огромного значения. Великая держава Ассирия клонилась к упадку. Против Ассирийской империи выступил входивший ранее в её состав Вавилон – огромный город, важнейший центр Востока. Его активным союзником была Мидия. На стороне Ассирии были скифы. К тому времени они уже спасли от осады мидян столицу Ассирийского царства – город Ниневию. Но в этом драматическом противостоянии скифы склонили чашу весов в пользу одной из сторон – в пользу Вавилона и его коалиции. Изменив Ассирии, скифы примкнули к этому союзу. Объединённые силы мидян, скифов и вавилонян подошли к Ниневии и после трёхмесячной осады в августе 612 года до н. э. штурмом взяли столицу, а затем уничтожили город.

В конце VI века до н. э. персидский царь Дарий Гистасп двинулся походом на Скифию. В этой изнурительной борьбе Дарий был измотан. Скифы оставались неуловимы, а победа над ними виделась всё менее достижимой. Персидский царь, теряя обозы, раненых и ослабевших людей, вынужден был отступить. Эти события и вошли в хронику Геродота спустя пятьдесят лет.

Скифское царство образовало союз племен. Во времена похода Дария оно делилось на три отдельных царства, у каждого из которых был царь. Один из них – царь Иданфирс – являлся главным царем Скифии. Царства состояли из номов (округов) во главе с номархами. И что интересно, скифский царь зачастую вынужден был считаться с волей простых воинов-кочевников, которые собирались в народные собрания в номах, обсуждая важные дела и даже судьбу самого царя – вплоть до освобождения его от пребывания на престоле.

III век н. э. является последним столетием скифской истории. И всё же ещё много веков спустя земли, где некогда господствовали могущественные кочевники, часто по-прежнему называли Скифией. Достоинством человечества стало и искусство этого древнего народа, воплотившее в зооморфных образах-символах героический дух безвозвратно ушедшей эпохи.

СТРАННИК ОСЕВОГО ВРЕМЕНИ

Если в повозке нет оси,
Как можно на ней ездить?
Конфуций

С Муратом Ауэзовым ещё в 1970 году меня, студента Политехнического института, познакомил Марат Балтабаев. Он в те годы был руководителем ансамбля «Айгуль», а во время учебы в Москве и в Ленинграде был активным членом студенческого общества «Жас Тулпар», заведовал музыкальной частью во время многочисленных поездок по городам и аулам Казахстана. И был одним из ближайших друзей и соратников Мурата Ауэзова. Марат Хамитович Балтабаев полностью посвятил себя музыкальной сфере бытия, написал ряд образовательных учебников по музыке, позже стал доктором наук, профессором, академиком. Однако главным детищем его жизни и судьбы был женский музыкальный ансамбль «Айгуль», известный далеко за пределами Казахстана. А тогда, в студенческие годы, когда и сам Марат Балтабаев был относительно молод, он не раз просил меня, чтобы я с друзьями по спорту и общению сопровождал таких же по возрасту студенток, игравших на ударных, саксофоне, гитарах на студенческих выступлениях и на репетициях, которые завершались довольно поздно. Одним словом, мы становились своеобразными телохранителями муз прекрасного пола в те поздние вечера.

Иногда по субботам и воскресеньям Марат Балтабаев приглашал меня, студента, на окраину города, в яблоневоый сад, где многие «жастулпаровцы» играли

в футбол. Там я и увидел впервые Мурата Ауэзова... Сердечно признателен тому времени и, разумеется, моему близкому родственнику Марату Балтабаеву за это знакомство, что переросло в братскую дружбу на многие, многие лета.

В послевоенные годы, когда постепенно оттаивало суровое лихолетье, в дом моих родителей в Сырымбете дед Балтабай, близкий родственник нашего отца – директора школы-интерната и детдома, привез из Тюре Тумсука своего внука Марата, который воспитывался у него, и попросил отца устроить его в школу-интернат или в детдом. При этом сказал, что не знает, жива ли его мать Сара, которая пела и играла на музыкальных инструментах.

В своих воспоминаниях Марат Балтабаев пишет: «Среди немногих событий детства особое место занимают те, что связаны с семьей Канапьяновых. Мусахан-ага был незаурядной личностью, высоко эрудированным человеком, прекрасным семьянином, патриотом своего Отечества. Но особо хочется сказать о необыкновенной тонкости души, о той чуткости, заботливости, которые всегда можно было ощутить в его взаимоотношениях с родственниками, своими воспитанниками, со всеми окружающими. Даже голос его, спокойный и ровный, действовал располагающе, вызывал чувство такого глубокого доверия, что любой из нас мог поделиться с ним своими сокровенными мыслями. Особенно поразило меня, когда он сказал: «Твоя мама Сара тоже, как и ты, хорошо играла на музыкальных инструментах, прекрасно пела... Ты уже взрослый (я тогда учился в 9 классе), скоро увидишь свою маму». Я не знал, что у меня есть мама, мне говорили, что она умерла. И только тогда я понял, почему так строго он следил за моим поведением и одновременно всегда оказывал отеческое внимание. Мусахан-ага сдержал свое слово, его поиски близкого мне человека привели к тому, что в 1957 году он организовал встречу с мамой. Вечная ему благодарность за это! В годы учёбы в Москве, Киеве, Санкт-Петербурге я с благодарностью упоминал имя этого Человека на каждой странице моего юношеского дневника» (1997 год).

Катя-Кадиша, врач, наша женгей, вдова Марата Хамитовича, одна из первых выступила на сорокадневных поминках по Мурату-ага, вспоминая далекие годы становления «Жас Тулпара». В те же годы юности и молодости Марат Балтабаев познакомил Мурата Ауэзова и с моим старшим братом Сержаном, о котором спустя годы со всей сердечностью скажет в фильме «Глубинный свет»:

«Может быть, их не много, таких людей, но бывают люди, которые оправдывают, вообще наполняют каким-то благородным смыслом даже вот такую, как бы очень регламентированную сферу деятельности, как чиновничество.

Вообще эта замечательная фамилия – Канапьяновы. Отец – педагог, и Бахытжан сделал большое благородное дело, что собрал всю литературу о жизни отца, многие данные о нём. Это один из самых, я бы сказал, замечательных трудов, которые очень убедительно говорят о высоком призвании настоящего педагога. Возвращать в людях лучшие качества, мне кажется, это фамильная черта этой замечательной, крепкой, большой семьи. Мне посчастливилось встречаться с Сержаном Мусахановичем в разных обстоятельствах. Его личное обаяние человека, абсолютно располагающего к себе, обладающего ясным, не только профессиональным, но и каким-то мудрым житейским и человеческим опытом позволяло ему понимать суть любого вопроса. Он особенно хорошо реагировал на проблемы, которые несли общественно значимый смысл. Я помню 90-е годы, когда он работал в Правительстве. Кстати, по этому поводу можно сказать, что вообще сколько сменилось правительств, всегда устойчивой оставалась позиция Сержана Мусахановича в силу его абсолютного непререкаемого авторитета как специалиста высочайшего класса. Так вот, мы тогда, в те годы, приняли участие в одной из таких первых для независимого государства международных акций. Речь идет о проекте “Шёлковый путь”, и

вот тогда Сержан Мусаханович – человек высочайшей внутренней культуры, внутренней сопричастности к этой большой идее – сумел обеспечить необходимый фронт организационных работ, который, в конечном итоге, привел к успеху этой замечательной экспедиции ЮНЕСКО по территории Казахстана.

Замечательные стихи Сержана Мусахановича, просто замечательная лирика. Я знаю из рассказов Бахытжана, что Сержан, в принципе, и не стремился к изданию книги. Это такое очень нормальное для человека высокодуховной организации желание – писать стихи для себя. То есть он вымеряет свой нравственный, свой этический кодекс теми словами, которые ложатся на бумагу и обретают особую, очень изысканную форму. Это не поэзия для тиражирования, это не поэзия для денег, это веяние души, это форма такого самосохранения в очень сложном мире отношений, с которыми приходилось сталкиваться».

*Мурат Ауэзов,
фильм «Глубинный свет», 2003 г.*

* * *

В январе 2023 года Евразийский Фонд культуры, президент Ерулан Канаян – меценат, предприниматель, композитор и поэт, член Союза писателей и Союза композиторов Казахстана, мой брат-братишка, отец всемирно известного скрипача Шернияза Мусахан, которому Мурат Ауэзов подарил при встрече поэтический шарф за выдающиеся заслуги в области культуры, литературы и философии, удостоил Мурата Мухтаровича Ауэзова высокой премии «Национальное достояние». Он стал третьим в почетном списке лауреатов. До него этой премии были удостоены Олжас Сулейменов и Асанали Ашимов.

На одном из юбилейных мероприятий, посвященном «Жас Тулпару», что проходило в Национальной библиотеке, бывшей солистке ансамбля «Айгуль», а ныне генеральному директору издательского дома «Жибек жолы» Ляйле Нуртаевне Утебаевой был вручен почётный членский билет бывшего молодежного объединения. Вручил этот почётный знак культуролог и автор многих книг, вышедших в нашем издательстве, Мурат Мухтарович Ауэзов.

* * *

Помню, как лет пятьдесят тому назад почти прямой трансляцией показывали по ТВ, как на поверхность Луны впервые ступила нога человека. И в это же самое время, вечером, из полумрака комнаты я видел в окне этот вечный образ поэтов и влюбленных мира, и трудно было представить умом и сердцем, что там, по светящемуся диску, бродит человек, наш современник, который своими первыми шагами – не в стихах, не в эпосе, а в реальной жизни – осваивает этот образ, превращая Луну в Селену.

* * *

*Душа, что наполнена светом,
Промытая светом душа
К небесным восходит сюжетам,
Небесною пылью шурша.
Обратно вращается пленка,
И кадры в ней чем-то полны.
Себя я увижу в ребёнке –
С обочины, с той стороны.*

* * *

*Ночь спускается с гор старухой,
Луна, как серьга, вдема в ухо,*

*Заскоружлой рукою на ощупь
Закрывает впотьмах мои очи.*

** * **

*Днём не слышно горной речки,
По ночам она слышна.
И её послушать речи
Смуглая плывет луна.
Речка у ветвистой ели
Расплескала лунный свет,
А к утру вблизи ущелья
Ни луны, ни эха нет.*

** * **

Вот и сейчас, в лунный час, светило всех времен и народов сопровождает меня вдоль гряды Алатау-Ала-Тоо, что гекзаметром-векзаметром пролегает с правой стороны дороги Ташкент – Алматы, по ту сторону бокового окна джипа, который ведёт по этим святым местам мой знакомый, водитель Шаяхмет. Он родом из этого местечка, одно время проживал в Барскооне, на южном побережье Иссык-Куля, а затем надолго обосновался в Таразе. С ним не раз колесили по степям-дорогам Кыргызстана и по южным областям земли Казахстана. Вот и сейчас он согласился довезти меня до южной столицы после моей поездки на родину Чингиза Айтматова.

После Кулана (Луговое) как-то незаметно подъехали к Мерке. Я мысленно выстраивал по прошлым записям и постам доцифровую эпоху, находя в ней свою лунную дорожку-тропу памяти, сверяя изредка с отсветами полной луны, что сопровождала наш стремительный джип своим сиянием тревог и надежд над хребтами вереницы гор.

Не помню, кому принадлежала идея, чтобы Книгу-Китап «Времени связующая нить» Мурата Ауэзова открывала глава его малой родины – Мерке. Наверное, всем и каждому, кто вместе с автором участвовал в работе по подготовке книги к изданию. Мурат Ауэзов искренне радовался, что его ранние записи дневника открывают эту тему судьбы и исканий, когда сквозь сомнения приходит сокровенное слово истины.

МЕРКИ

17 января 1979 года

Ну, что же. Осталось несколько страничек тёмно-синей тетради, так подержавшей душевное равновесие в последнюю осень и в начале последней зимы.

Добрый знак послала судьба. Связано с поездкой на юг вместе с кубинцем Вальдо Лейва, хорошим поэтом, гуманистом, пугающимся всякого пафоса, тонко умеющим улавливать многое в людях и обстоятельствах. Съездили с ним в Туркестан, к Ахмеду Ясави. Холодно, холодно там. Устойчиво это: в святых местах колонизованность со всем многоликим маразмом ощутила явственной, и не только по причине контраста, а и потому ещё, что там она живет как результат осознанного действия определённых сил.

Плохо Ясави. Нездоровый, злобноватый гул тревожит его прах. Много злодейства преднамеренного и много невежества. Холодно и неудобно. Хотя, конечно же, есть сдвиги: имеет будущее зал истории тюркских письменных памятников. Но нездоровья больше. На Вальдо поездка произвела впечатление. «Одинокая арча» – так назвал поэму, фрагмент которой днем позже прочитал. Чутко улавливает своеобразие казахской образности.

В огромном Ташкенте, не зная города, мы точно выехали к зданию СП Узбекистана. Передал Вальдо узбекам. На обратном пути в Чимкенте времени хватило, чтобы, купив билет, успеть перекусить. Заснул в автобусе надолго, проснулся перед Джамбулом, где предстояло пересечь с «Чулак-Курган – Джамбул» на «Джамбул – Алма-Ата». Не покидало ощущение, что непременно что-то случится с нами в пути, и – старое: «Со мной всё ясно, но другим-то за что?»

Впрочем, рассудок диктовал своё – в Мерке не остановишься, не у кого. Смирился. И только в полусне пытался увидеть внутренним взором горы, поля, сады окружения Мерке.

18 января 1979 года

На какой-то остановке в автобус вошла полная, плотная женщина и разместилась рядом. В полудрёме спросил её: где мы? Коротко всохотнула: «А и сама не знаю. Приехала сюда из Лугового». «Плохо, – подумал я, – проехал Мерке и не заметил». И вновь ушел в совсем уж печальный полусон. Встрепёнулся от шума громких, возбуждённо протестующих голосов. Оказалось, переписчики (перепись 1979-го года) остановили автобус и предложили всем пройти на автостанцию на процедуру переписи. И ещё раньше, чем увидел глазами, почувствовал, радостно, торжествующе: в Мерке находимся. Деловитые переписчики подгоняли, торопили сонных, раздражённо протестующих пассажиров. Сплошь – казахская команда. В кои-то веки выпала власть задержать автобус дальнего следования, обычно проносющийся мимо высокомерно, задержать автобус и, прикрикивая на пассажиров, диктовать им волю – не какую-нибудь – государственную, ощущая за спиной мощь государства, могущество ощущая стоящего за спиной и своё собственное, выпавшее в кои-то веки на час-другой.

Покрикивали казахи, сурово, куражась, наслаждаясь минутами власти-в-своих-руках. Пассажиров это раздражало. Мне забавно было. И радостно: в Мерке находился! Да, это и есть моя малая родина. Волею своею привела меня. Мощь свою продемонстрировала властно, без кокетства, сусальных церемоний. «Ты – мой!» – и нагнала в морозно-ледяную полночь комично-важных казахов «три исполнения», пристегнула к месту монстра дорог «Икарус», остановила, переиначила время, широкую щель в нём распахнула, откровенно, недвусмысленно явила себя в полном голосе, уверенной, гордой стати. «Я есть. Ты – мой. Я – с тобой. Действуй!»

Так было. Нечто подобное я предощущал, но не мог, конечно же, предположить, что всё будет так обезоруживающе и так мобилизующе откровенно. Это уже и не знак судьбы, не намёк игрой случайностей, а прямой призыв, требовательный, не допускающий ни возражений, ни возможностей иных толкований. Благодарю тебя, мой безымянный бог, за прямоту нрава твоего.

В бой иду собранным, без суеты, без тени сомнений.

В Мерке дали справочку, что там, а не где-нибудь, в 00 часов 17 января 1979 года я прошел процедуру переписи. Тучный, высокий казах, видимо, учитель школы, заполнявший анкету, раздавлен был с ходу тщательностью моей фамилии и во время ответов моих на вопросы не поднимал глаз в забавных очках, сползавших на самый кончик противоестественно маленького на крупном, полном, смугло лоснящемся лице носа. Отмолчался, затаив дыхание, и в ответ на моё тихое признание: здесь я родился, в Мерке. Рядом с ним сидел безбородый, гладко выбритый старик, типичный сельский полуинтеллигент, в коих самозабвенное прятие практики КПСС причудливо смешано с шежире и шариадом. Он что-то внезапно припомнил, выразил это полувозгласом, да так и замер с открытым ртом. Не открылись эти люди мне, как открылась моя великая малая родина».

* * *

Я попросил Шаяхмета остановиться возле ночного кафе, что располагалось у речки Меркенки. Сто грамм под шашлык и лагман отогнал куда-то за речку сонливость и сомнамбулизм состояния...

– А помните, байеке, нашу поездку вокруг Иссык-Куля? – спросил Шаяхмет, обращаясь ко мне на кыргызский лад.

– Как не помнить, за весь световой день проехали вокруг озера, где надо останавливались перекусить, как и сейчас...

Однажды Мурат Ауэзов, Болатхан Тайжан и мы с Диаром Кунаевым выехали в Чолпон-Ату отдохнуть, искупаться и порыбачить. Мурат-ага вставал рано и один уходил к озеру со спиннингом или удочками пофилософствовать наедине, вылавливая пескарей и чебачков. А затем, после полудня, встречались с местными жителями в Доме-музее Мухтара Ауэзова или просто беседовали у костра под шелест волн.

Я уже написал большой цикл стихов, посвящённый в основном южному побережью, где бывал почти каждое лето, с конца июля по начало августа. И однажды мы с Шаяхметом решили проехать всё побережье, встав очень рано, когда все ещё спали, и лишь уходящая луна в предзвездных сумерках отражалась в изумрудной воде святого озера. Решили ехать от Чолпон-Аты через Тамшы, Тору-Айгыр, затем Балыкчи и выехать на южное побережье, а там Кара-Талаа, Каджи-Сай, Тосор, Тамга, Барскоон, сплошные знакомые и родные места по прошлым поездкам, Сару, Дархан, Джеты-Огуз, Каракол, Тюп и вновь вернуться на северный берег, а после – Ананьево, Бостери, и к вечеру – в Чолпон-Ату. Все эти населенные пункты имеют мой поэтический адрес, и эти стихи – посвящения можно найти в интернете и на сайте www.irkopkrena.kz Международного Фонда Мухтара Ауэзова.

После Тосора открывается величественная панорама вдали блуждающей вершины Хан-Тенгри, высота которой колеблется от 6995 до 7010 метров. Эта высота остается тайной, а сам Властелин небес часто скрывается за облаками. Гора располагается на кыргызско-казахской границе, а также граничит с Китаем. Географ Семёнов-Тян-Шанский ошибочно предположил, что Пик Победы – это Хан Тенгри, но и до учёного по летописям тысячелетия ошибочно путали эти вершины, находящиеся почти рядом. Объединяет их ледник Иньльчек. Местные жители именуют Хан-Тенгри «Кан-Тоо» – «Кровавая гора», вероятно потому, что на закате её вершина становится огненно-красной, а может, и потому, что многие восходители, пытавшиеся покорить Хан-Тенгри, погибали, и множество попыток достичь пика обречены на неудачу... «Захоронения на вершине горы как послания от предыдущих альпинистов, которым удалось подняться наверх. Каждое новое прибытие на вершину заканчивается тем, что список этого послания увеличивается. Невозможно писать чернилами, только карандашом... его имя, дату прибытия... и новая могила» (*Путеводитель «Кыргызстан»*).

Интересный случай произошел на базаре в Караколе. Мы сидели с Шаяхметом в чайхане, попивая зеленый чай. Вдруг Шаяхмет, хорошо знавший эти места, обычаи, нравы и наряды, улыбаясь, заметил:

– Вон Ошанин прошел (воспроизвожу так, как мне послышалось), – я оглянулся. Шаяхмет взглядом показал на старичка, одетого в халат, невозмутимо шедшего среди рядов базара. Ну думаю, наверное, однофамилец Льва Ивановича Ошанина.

– А вон ещё один Ошанин идет, – Шаяхмет указал на другого старика, одетого в такой же халат, но более светлого окраса.

Ну, думаю, Ошанин так Ошанин. А может быть, родственник известного поэта, автора текстов песен «Пусть всегда будет солнце» и «Дети разных народов, мы мечтою о мире живем» (Гимн демократической молодежи).

Я спросил Шаяхмета, знает ли он эти песни? И кто из поэтов написал их?

– Когда-то в детстве и в юности слышал по радио, а кто написал – не знаю, конечно, – ответил мой товарищ-водитель, разглядывая проходящий базарный люд и попивая зеленый чай глотками из малой кесе-кесешки.

«А может быть, не просто однофамильцы Льва Ошанина. Ведь он является автором и ряда поэм про Александра Македонского, часто бывал в Ташкенте, где ставилась в местном театре его пьеса о великом полководце... Всякое может быть», – продолжал размышлять я.

– А вот ошанки идут, – весело воскликнул Шаяхмет.

Мимо нас, улыбаясь, прошли две девушки, одетые в платья узбекского хан-атласа. И здесь до меня дошло, что ошанины и ошанки – это жители города Ош.

Ош – самый древний город в Кыргызстане, говорят, что древнее Рима. По легенде основан Соломоном или Александром Великим. Есть в центре города гора Сулайман-Тоо (гора Соломона). Земли Оша граничат с Узбекистаном. Потому и одежда местных жителей – халаты и платья ближе по расцветке к узбекским нарядам.

Когда вечером мы с Шаяхметом уставшие, но довольные своим кругоозерным путешествием вернулись в Чолпон-Ату и я рассказал о «родственниках» Льва Ошанина, Мурат-ага долго добродушно смеялся, а затем вечерняя беседа у костра, как всегда, завершилась стихами:

*Когда под утро встанет свет Венеры,
Когда туман ложится на костры,
Выходишь из воды вне суеверий,
К твоим ногам я расстелю ковры.
Луна, потупив взор, в озёрной чаше дышит.
Я отражённый лик ладонями приму.
И плещется она в воде с небесной крыши,
Мне этот свет судьбы понятен одному.
Дед утренней звезды бессонницей исходит,
Зря запер на засов нагорный храм любви.
Я украду тебя, вот нам коней подводят,
Из эпоса веков дам клятву на крови.
Когда истает звёздный свет Венеры,
Когда луна уйдёт за горный кряж,
Твои следы любви и древней веры
Волна выносит на песчаный пляж.
(«Чолпон-Ата»)*

*Чай зелёный дышит в пиале,
Мясо яка варится в котле.
К этой ночи подберет ключи
Миру неизвестный манасчи.
Холодом повеет с ледника,
Эпосом вся пенится река.
Даже горы слушают в ночи
То, о чем колдует манасчи.
Искрами безумствует костёр,
К нашим лицам пламя распротёр.*

Чай сменяет водка в пиале,
 Мясо яка варится в котле.
 Вспорет тьму заговорённый меч,
 На рассвете нам не даст прилечь.
 Чон боласын, баскалар кичи,
 Будь великим, мальчик манасчи!
 («Манасчи»)

* * *

Однажды в день рождения Олега Дильмухамедова, 30 августа, мы все собрались во главе с Муратом Мухтаровичем в доме именинника, в беседке под свисающими гроздьями созревшего винограда. Олег Ельтокович Дильмухамедов был назначен по просьбе Мурата Ауэзова генеральным директором эстетического центра «Шелковый путь», я некоторое время работал его заместителем по литературно-издательской деятельности и одновременно был помощником депутата Верховного Совета Казахстана Мурата Мухтаровича. Олег – истинный полевик, археолог, окончил исторический факультет в Ташкенте. Хорошо был знаком с Львом Николаевичем Гумилевым, посещал его квартиру в Санкт-Петербурге... Он же познакомил Мурата Ауэзова с пацифистом-отшельником Имантом Андерсоном. А я уже, опять же по просьбе Мурата Мухтаровича, написал сценарий фильма «Балхашская сага» (режиссёр Рымбек Альпиев) об этом шведе Андерсоне, человеке несгибаемой воли. Через монологи Мурата Ауэзова кинолента раскрывает и образ Иманта, и историю Южного Прибалхашья. Фильм был признан на международном кинофестивале в Швеции. Но до этого события предстояло прожить ещё несколько лет, а вокруг уже была, так сказать, «уходящая натура» страны Советов.

В те годы перестройки был показан фильм «Покаяние» Тенгиза Абуладзе. Все вспоминали скорбные лица молодых и пожилых грузинок, которые целовали вырезанные по срезу брёвен имена родных и близких.

– А казахские женщины по ночам пели народные песни, ожидая со сталинской ссылки своих мужей и сыновей, – тихо произнес Мурат Ауэзов и, словно постигая это передаточное звено от мёртвых к живым, вполголоса пропел начало одной из таких песен.

– А я знаю эту песню, – воскликнула моя Гульнар, – мне её передала бабушка-аже. – И запела без аккомпанемента, а'капелла, тихим, но ясным голосом, словно находясь в далеком детстве, когда держалась за подол своей апа, которая ненавязчиво, как бы невзначай учила свою внучку этому святому пению...

«...А оставшийся степной люд после свирепого голода вместе с умирающими аулами перешёл на оседлый и полuosедлый образ жизни. Со временем эти раны залечила сама жизнь – новая, счастливая и трагедийная, пройдя стремительные пятилетки социалистического становления, через репрессии и войны, сквозь казённый уклад быта, индустриализацию и целину, оставляя людям, вчерашним кочевникам и шаруа, единственную радость в жизни – детей Советской эпохи.

И даже им, своим собственным детям, они никогда не рассказывали о тяготах прошлого. И если иногда и говорили об этом, то очень скупо и как бы невзначай. И мужская скупая слеза выдавала всю тяжесть этого признания. А женщины только через песню, народную и бессмертную, изливали боль и печаль своего недавнего прошлого. И каждый куплет или припев этой песни чередовался только ею рожденными звуками – а-а-а-а, е-е-е-е, э-э-э-э... И эти интонации принадлежали ей и только ей, этой женщине из этого аула, который давно уже исчез в бесконечном пространстве Степи. А у другой бывшей

аулчанки была другая, никем и ничем не заменимая интонация, принадлежащая веками только её аулу, который навсегда остался в неумирающей памяти бывших аулчан и их потомков да в самом запеве родной и бессмертной песни, которая переживет ещё не одно поколение. И дочка этой престарелой женщины за вязаньем или шитьем, как когда-то в ауле за ткацким станком при рождении өрнек-узора на текемете или при валянии кошмы, день за днём, слово за словом, звук за звуком погрузит светлую печаль этой песни в свою бездонную память и спустя время передаст ток этой песни своей дочери или своей внучке уже в нашем, двадцать первом столетии...

А в прошлом веке всё это было под большим партийным запретом. И не только эти древние обряды и ритуалы, но и многие народные песни, а вместе с ними и некоторые сказки, предания, фольклор и эпос. И всё поэтическое творчество Магжана Жумабаева – до и после его расстрела – было также под запретом, во многом и отчасти благодаря его же собратьям по перу, перешедшим на ту сторону баррикад, где на крови безвинных жертв выстраивался уклад новой жизни. И всё же и тех и других, разделённых революционным водоразделом, ожидал один и тот же исход – репрессии и расстрел.

А затем была война, и многие мужчины и жигиты, да и женщины из аулов и городов уходили на фронт, и многие из них не вернулись, остались навсегда лежать под Москвой, в болотах под Ржевом, под Сталинградом и Курском. Но время залечило и эти раны и утраты, оставляя в душах только бессмертную память, которая нет-нет да вспыхнет в сознании каким-либо эпизодом прошлой судьбы, напомнит о годах лихолетья, и выйдет пожилой человек в ночь на балкон, где сквозь узоры листвы ветвей проступает луна, пришедшая из-за черных вершин, лишая чуткого сна в канун утренних сумерек» (фрагмент моей повести «Дань Всевышнему»).

Гульнар спела «Екі жирен», «Қараторғай», «Манмангер»... Все притихли, и Мурат-ага взволнованно произнёс: «Вот так пели Хупшия-апа и моя мама Фатима в Мерке и в сталинские годы в Алма-Ате». Мурат Мухтарович после такого пения Гульнар в тот памятный вечер всегда просил Гулю спеть, когда собирались вместе. Даже написал небольшую заметку о силе народного пения, где подчеркнул и отметил это пение моей супруги Гульнар.

Гульнар как старшая внучка деда Галеке росла и воспитывалась в его доме, что находился в «косых дворах». Свою аже она называла мамой, у неё и научилась этим песням. Здесь к месту будет отметить один немаловажный факт: по утверждению незабвенной Гульнар-апа Мыржакышқызы Дулатовой имя Гульнар было дано самим Мухтаром Омархановичем Ауэзовым. Привожу отрывок из статьи Гульнар-апа Дулатовой «Мәңгілік мирас» («Қазақ әдебиеті», ақпан 2000 ж.).

«Қазақ әдебиетінің керегесін қаласып, шаңырағын көтеріскендердің көген түбіндегі көнекөз Галекеңмен, кәдімгі қарт қаламгер Ғалым Ахмедовпен біз көптен бері дәмдес-тұздаспыз. Ол тіл өнерімізге төл туындальымен гана емес, әлем әдебиетінің озық үлгілерін аударуы арқылы да үлкен үлес қосты. Негізінен аудармамен айналысып, бұл кәсіпті ғылыми деңгейге көтерген жар-жолдасым, жазушы Әбен Сатыбалдиев ол кісіні ұстаз тұтып, қатты қадірлейтін еді. Оның үстіне Галекеңнің әкемді көзімен көріп, кезінде сырлас, сыйлас болғаны және бар.

1952 жылы көктемнің бір мизам-шуақ-күні Әбен екеуіміз сол Галекеңнің үйіндегі бір қуанышқа бардық. Әлі есімде, төрде құрметті қонақ болып Мұхтар аға Әуезов отыр екен. Дастарқан үй иесінің алғашқы немересі, яғни Сейілбек пен Клараның тұңғышы дүниеге келуіне орай жайылыпты. Жаңа туған жас нәрестенің бауы берік болып, өмір нұры, көңіл Гүлі боп өсуіне тілектер айтылған соң, кезек ат қоюға келді. Галекең қайтеміз дегендей, Мұхаңа қарап еді ол:

– Пәлі, сол да сөз болып па?! Тегі десең текті, көркі десең көрікті күні бүгінге дейін құлын мүшесі қаз-қалпында мына Гүлнәр отырған жоқ па?! Немереңіз осы Гүлнәрдай болсын, есімін Гүлнәр қоялық, – деді.

Дуалы ауыздан шыққан уәлі сөз бірден қабылданып, дос-жарандар қолдап, қолпаштай жөнелді.

Содан бері жылдар зырлап, күндер жүйткіп қанишама уақыт өтті десейші. Жауқазындай желкілдеп, көздің жауын алардай болып балаларымыз өсіп, ержетті. Менің аттасым, Ғалекеңнің көз ашып көрген алғашқы немересі Гүлнәр да тал шыбықтай бұралып бойжетті».

* * *

Однажды, ещё в начале этого века, Мурат-ага поделился, что хотел бы написать книгу, типа «Кабус-наме», используя и свои дневники, и первое издание книги «Времён связующая нить» («Жазушы», 1971 год). К тому времени уже вышла его книга «Ишпокрена», был он в отличной творческой форме. Показал несколько тетрадей своих дневников. С этого и началась эпопея подготовки к выходу книг Мурата Ауэзова в издательском доме «Жибек жолы».

А история трактата «Кабус-наме» такова... Достигнув возраста Пророка Мухаммеда, типичный представитель своего времени, аристократ, воин, вельможа, ученый, поэт Унсур аль Маали сотворил книгу, которая вошла в сокровищницу мировой культуры под названием «Кабус-наме», а её автор стал всемирно известен как писатель Кей Кавус. Это литературное имя является родовой фамилией, переходящей из поколения в поколение.

«Кабус-наме» – высокоценное педагогическое сочинение, написанное в 1082–1083 годах.

В X–XII веках в Центральной Азии и Иране феодализм переживает бурное становление, в связи с этим развиваются культура, литература, искусство, социально-политические и экономические отношения. Культурный подъем явился следствием благотворного влияния арабов, которые вместе со своей духовностью принесли греческие, римские, а также индийские ценности. Вместе с тем этот центральноазиатско-иранский регион стал ареной взаимопересечения политических, социальных, разнонациональных и разноязычных феноменов. И это оказало очень сильное влияние на становление самобытной культуры и литературы на территории Центральной Азии и Ирана. Здесь родились всемирно известные светочи культуры, обогатившие литературу шедеврами общечеловеческого значения.

Кто не знает Абдулхасана Рудаки, Абилькасыма Фирдоуси, Омара Хайяма, Абу Насыра аль-Фараби, Авиценну, Махмуда Кашгари, Кожа Ахмеда Ясави, Юсуфа Баласагуни, Абурайхана аль-Бируни, Мухаммеда Хорезми, Ахмеда Югеники, Низамула Мулика, Насыра Хисрова и других учёных, философов, поэтов того времени? К произведениям этих замечательных творцов относится и выдающийся труд – книга «Кабус-наме», созданная в XI веке.

Автор книги «Кабус-наме» Кей Кавус родился на южном побережье Каспийского моря в семье крупного феодала из рода Гилан. Дата его рождения 1021–1022 годы.

Прожив бурную, напряженную жизнь, полную интересных событий, страстей, радостных триумфов и горьких раздумий, Кей Кавус в возрасте 63 лет написал свой труд, посвятив его сыну Гиланшаху. Он обращается к сыну с такими словами: «Самое ценное и дорогое, что нашёл я в жизни, собрано в этой книге наставлений и назиданий, написанной для тебя».

В жизни каждого мусульманина наступает судьбоносный момент, когда человек достигает возраста Пророка – 63 года. И тогда начинается время разду-

мий о прожитой жизни, о ярких событиях и горьких ошибках. Происходит строгий анализ пройденного пути, осмысление приобретенного опыта. Становится понятным, что самое ценное, что ты можешь оставить детям и внукам, – это твой опыт жизни, мудрость, приобретённая в трудах, сражениях, раздумьях.

«Кабус-наме» является памятником классической персидско-таджикской художественной прозы, первым прозаическим произведением на языке фарси XI столетия. Этико-дидактический трактат состоит из 44 глав, из которых только пять посвящены религиозной тематике, а остальные являют собой своеобразный кодекс чести и воспитания, а также совершенствования личности.

Жанровые и стилистические основы «Слов назиданий» Абая сходны с некоторыми главами «Кабус-наме». Необходимо отметить, что ряд фрагментов «Кабус-наме» перевёл на казахский язык Ибрай Алтынсарин, а в наше время с узбекского и татарского языков книга трактатов «Кабус-наме» полностью переведена на казахский язык Турсунали Айнабековым.

«Кабус-наме» переведена на многие языки мира, её с увлечением читают в разных странах, следуя мудрым наставлениям и советам. Принято считать, что «Кабус-наме» – педагогический трактат, посвящённый воспитанию юношества. Да, действительно, в этой книге содержатся наставления, которые даёт отец сыну, каждая глава начинается с обращения «Сын мой!» Рассказывается о том, каким должен быть культурный человек, к чему стремиться, чего избегать, как сохранить здоровье, приобретать друзей, остерегаться врагов, выбирать профессию, ухаживать за землей, защищать родину, изучать звездное небо, разбираться в поэзии и музыке, как управлять собою и государством. О многом рассказывает эта книга. Но самое главное – книга указывает место честного, благородного человека в мире, где идет постоянная война двух непримиримых врагов – Добра и Зла.

Интересны сами названия некоторых глав: «Об игре в мяч на конях», «О покупке дома и земли», «О звездах и геометрии», «Забота об отце и матери», «Об игре в шахматы», «О посещении бани».

Человечество не может обходиться без таких книг. У Кей Кавуса были мудрые предшественники – античные ученые и философы, оказавшие на него влияние. В частности, на страницах «Кабус-наме» упоминаются Платон, Сократ, Аристотель, Гален и Гиппократ. Голос Аристотеля слышится там, где Кей Кавус наставляет сына, обучает его этическим правилам, объясняя характер каждого человеческого возраста. От Теофаста идет разделение человеческих темпераментов. Цитаты из Платона и Сократа сопровождают многие мысли Кей Кавуса о ценности человеческой личности. А сам автор «Кабус-Наме» оказал неизгладимое влияние на западноевропейскую культуру и на становление русской педагогической науки.

Вот некоторые примеры. В 1117 году было написано «Поучение Владимира Мономаха» – древнерусского князя, гордившегося своим византийским родовым именем. В 1717 году по личному указанию Петра Великого выходит в свет «Юности честное зерцало», составленное просвещённым соратником императора Вилемом Брюсом и его помощниками. Эти сочинения – самые яркие опыты. А сколько было написано других, типа «Златая цепь», «Беседа отца с сыном о злых женах» и т. п. Можно перечислять и перечислять. Во Франции в 1564 году увидела свет выдающаяся книга Франсуа Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль». Это рассказ о Телемском братстве, где жизнь построена на гуманистических принципах, где молодые люди воспитываются на разумных примерах человечности, благородства и высокого личного достоинства. В 1774 году в Англии выходит книга лорда Честерфилда «Письма к сыну», вызвавшая громадный резонанс в обществе. Все эти произведения объединяет одно

прекрасное качество – гуманистический взгляд на воспитание молодого человека, неприятие эгоизма, расовой и сословной морали, накопительства, низости и цинизма.

«Кабус-наме» – звено в золотой цепи развития общечеловеческой культуры. В этой книге отражается эпоха, она – зеркало времени и духовности людей того периода. Благодаря таким книгам далекое становится близким, и возможен разговор между предками и потомками.

В 1432 году «Кабус-наме» была переведена на старотюркский язык, в 1786–1787 годах – на уйгурский язык, в 1881-м – на немецкий и татарский языки, а в 1886-м это бессмертное творение вышло в свет на французском и русском языках.

В 1953 году вышло полное издание на русском языке в переводе известного ученого Е. Э. Бертельса. Непосредственно с фарси на староузбекский язык «Кабус-наме» в 1860 году перевел известный узбекский поэт Огахи. В 2002-м вышел перевод книги на казахский язык, осуществленный Турсунали Айнабековым. Переводчик смело нарушает традицию буквалистического подхода к каноническому тексту, и от этого перевод только выигрывает. Издание на русском языке воспроизводит перевод Т. Айнабекова с узбекского. Переводчик Берик Джилкибаев учитывал трудности, с которыми может столкнуться русскоязычный читатель. Поэтому имена античных авторов Аристотеля, Платона, Гиппократ, Галена и других были оставлены в привычной огласовке. Воспроизводя имена вождей, эмиров, правителей, переводчик счел возможным не делать сносок биографического характера, чтобы не перегружать текст, рассчитанный на широкого читателя.

* * *

Мы благодарны и признательны Диогену из Лаэрти в Киликии, который жил в первой половине III века н. э. за его «Историю философии» или многолетний труд «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов».

Именно благодаря ему образ легендарного сакского ученого Анахарсиса проступает не в канонизированном ключе, а в непосредственно живом воплощении, словно бы отсутствует само громадное временное пространство, отделяющее нас от всего того, что мы называем «житие до нашей эры».

Разумеется, ещё «отец истории» Геродот, описывая походы Дария на скифов, сообщает важные сведения о народах южнорусских степей, а также Центральной Азии и Казахстана, и дает первые сведения в своей «Истории» об Анахарсисе, жившем в VIII–VII веках до н. э. Платон ставит скифо-сакского ученого и философа в один ряд с Гомером, Фалесом и справедливо называет его одним из «семи мудрецов» мира. И всё-таки именно Диогену из Лаэрти принадлежат две ёмкие страницы, где образ нашего сверхдалёкого предка раскрыт поэтически, и, быть может, потому этот образ великого сакца не утратил некоего своеобразия и вобрал в себя определённые черты нашего национального характера.

В первом тысячелетии до нашей эры на территории Центральной Азии, Ближнего и Среднего Востока сформировались государства – Ассирия и Мидия. В VI в. до н. э. на смену Мидийской державе пришло государство Ахеменидов. Основателем его явился Кир II, который в 550 году до н. э. разгромил и подчинил себе Мидию, создав огромную державу, включавшую в себя и южные районы Центральной Азии. Позднее ахемениды подчинили себе и северные районы. В Бехистунской надписи, высеченной по приказу царя Дария I, говорится, что в состав Ахеменидского государства (в промежутке 530–522 годов до н. э.) входили Парфия, Хорезм, Бактрия, Согдиана, Сака, народы

которых поселились на территории Центральной Азии и Казахстана и были завоеваны либо подчинены ахеменидами. Севернее бактрийцев, согдианцев и хорезмийцев, на степных просторах Казахстана, согласно сведениям древних источников, в частности Авесты, обитали кочевые «туры с быстрыми конями». Туры в персидских источниках именуются «саками», что значит «могучие мужчины», а в сочинениях греческих авторов они фигурируют под названием «скифы», которое широко вошло в обиход как синоним кочевников. В числе саков письменные источники называют саков-тиграхаудов (носящих остроконечные шапки), саков-хаомаварга (изготавливающих напитков хаома), саков-парадарайя (заречных или заморских). Где конкретно располагались сакские племена, сказать сейчас очень трудно, поскольку точных географических данных древние авторы не дают; скорее всего, массагеты обитали в Приаралье, саки-тиграхауды – в Семиречье. Сакские племена аримаспов и «стерегущих золото грифов», видимо, располагались в Восточном Казахстане и на Алтае, где находились золотые рудники. Геродот и другие авторы повествуют о войнах персов и саков, победе последних над ахеменидским царем Киросом, подчинившим все страны от Ирана до Средиземноморья и считавшим себя почти равным богам и непобедимым.

С саками воевали и другие цари из династии Ахеменидов. В 519–518 годах до н. э. поход против саков-тиграхаудов предпринял Дарий I. Ему удалось подчинить саков, которые стали платить ему дань. Саки в составе персидской армии воевали в Египте, Греции и отличились в битвах при Фермопилах.

Следующая страница истории саков связана с борьбой против завоеваний Александра Македонского. Разгромив и подчинив державу ахеменидов, он отправился покорять Среднюю Азию. Неудачей закончилась попытка Александра Македонского подчинить себе сакские племена, жившие за Яксартом (Сырдарьей). Храбрые воины остановили продвижение великого завоевателя на Восток. Важнейшим источником по истории сакских племен, их материальной культуре являются археологические памятники-могильники, наскальные рисунки, клады. Скопления сакских могильников, в том числе и царских, обнаружены на берегах Таласа, Чу, Или, в предгорной зоне Киргизского, Заилийского и Джунгарского Алатау, в горных долинах Кегеня и Нарынкола. От периода сакской культуры остались многочисленные курганные могильники: среди них выделяются огромные курганы знати – сакских царей.

В пятидесяти километрах от Алматы в 1970 году раскопан древний сакский курган Иссык, широко известный во всем мире. Диаметр его составляет шестьдесят метров. Под земляной насыпью два захоронения – центральное и боковое. Первое было разграблено, а последнее осталось невредимым. На полу лежали останки погребенного. Как удалось установить, часть пола, на которой лежал покойник, была застелена матерчатой подстилкой, украшенной мелкими золотыми бляшками. По определению антропологов, умершему было 17–18 лет, его рост 165 сантиметров. Покойный, погребенный в кургане Иссык, занимал в сакском обществе высокое положение, он был вождем – «царем»... Смотритель Бекен всегда был рад, когда Мурат-ага приезжал с друзьями к нему в гости на курган Иссык.

С сакским временем связана эпоха освоения огромных степных и горных пространств, господства скотоводства в его различных формах, в том либо ином сочетании с земледелием. В долине Сырдарьи, рядом с сакскими поселениями Чирик-Рабат, Бабиш-мулла найдены древние поля, орошаемые с помощью каналов. Высокого развития у сакских племен достигли промыслы и ремесла, связанные с добычей металла, его обработкой, в частности с литьем бронзы, меди, золота и железа.

Вопрос о том, как было организовано сакское общество, до сих пор вызывает споры ученых. В это время сакское общество, судя по находкам погребений «царей», уже было дифференцированным, и саки стояли на пороге формирования государства. Одним из ярких явлений мировой культуры является сакское искусство. Оно тесно связано с искусством Ахеменидского Ирана и Бактрии, с одной стороны, искусством Китая эпохи Чжоу и Хань – с другой. Саки имели свою неповторимую культуру и мифологию. Выдающееся ювелирное мастерство саков вошло в мировую сокровищницу под условным названием «искусство звериного стиля». Древние мастера использовали различные сюжеты на тему борьбы хищных зверей и травоядных животных. Шедевры, созданные руками древних мастеров из золота и бронзы, украшают сегодня экспозиции многих музеев мира. Сакский, или сако-скифский, «звериный стиль» сложился как закономерное выражение мировоззрения сакских племён, как особая знаковая система для выражения идеологии кочевников. Саки были потомками андроновских племен, позднее они явились далёкими предками казахов, а имя сменивших саков усуней, живших в III веке до н. э. – III веке н. э., до сих пор сохранилось в названии одного из крупных казахских племен – уйсуней.

Я с удовольствием привожу фрагменты характеристики Анахарсиса, данные греческим историком и философом Диогеном Лаэртским, которого А. Ф. Лосев высоко ценил, утверждая, что «всякий читатель Диогена Лаэртского переживает настоящее удовольствие, погрузившись благодаря этой книге в самую гущу античной жизни и надивившись разнообразным и ярким личностям, изображенным здесь, получает несомненное удовольствие от всюду разбросанной здесь античной и аттической соли».

«Анахарсис, скиф, сын Гнура и брат Кадуида, скифского царя, по матери же эллин и оттого владевший двумя языками, сочинил стихи в 800 строк об обычаях скифских и эллинских в простоте жизни и в войне; а в свободное время своею он был таков, что это от него пошла поговорка “говорить как скиф”».

Сосикрат говорит, что в Афины он прибыл в 48-ю олимпиаду, в архонтство Евкрата. Гермипп говорит, что он явился к дому Солона и велел одному из рабов передать, что к хозяину пришел Анахарсис, чтобы его видеть и стать, если можно, его другом и гостем. Услышав такое, Солон велел рабу передать, что друзей обычно заводят у себя на родине. Но Анахарсис тотчас нашелся и сказал, что Солон как раз у себя на родине, так почему бы ему не завести друга? Поражённый его находчивостью, Солон впустил его и стал ему лучшим другом.

По прошествии времени Анахарсис воротился в Скифию; но там по великой его любви ко всему греческому он был заподозрен в намерении отступить от отеческих обычаев и погиб на охоте от стрелы своего брата, произнеся такие слова: “Разум оберег меня в Элладе, зависть погубила меня на родине”. Некоторые же утверждают, что погиб он при совершении греческих обрядов.

Вот наши о нём стихи:

*После скитаний далеких Анахарсис в Скифию прибыл,
Чтоб уроженцев учить жизни на эллинский лад.
Но, не успев досказать до конца напрасное слово,
Пал он, пернатой стрелой к миру бессмертных причтен.*

Это он сказал, что лоза приносит три грозди: гроздь наслаждения, гроздь опьянения и гроздь омерзения.

Удивительно, говорил он, как это в Элладе участвуют в состязаниях люди искусные, а судят их неискусные. На вопрос, как не стать пьяницей, он ответил: “Иметь перед глазами пьяницу во всем безобразии”. Удивительно, говорил он, как это эллины издают законы против дерзости, а борцов награждают за то, что они бьют друг друга. Узнав, что корабельные доски толщиной в четыре пальца, он сказал, что корабельщики плывут на четыре пальца от смерти. Масло он называл зельем безумия, потому что, намазавшись, борцы нападают друг на друга как безумные. Как можно, говорил он, запрещать ложь, а в лавках лгать всем в глаза? Удивительно, говорил он, и то, как эллины при начале пира пьют из малых чаш, а с полными же-лудками – из больших.

На статуе его написано: “Обуздывай язык, чрево, уд”.

На вопрос, есть ли у скифов флейты, он отвечал: “Нет даже винограда”. На вопрос, какие корабли безопаснее, он говорил: “Вытащенные на берег”. Самое же удивительное, по его словам, что он видел у эллинов, – это что дым они оставляют в горах, а дрова тащат в город. На вопрос, кого больше, живых или мёртвых, он переспросил: “А кем считать плывущих?”

Афинянин попрекал его, что он скиф; а он отвечал: “Мне позор моя родина, а ты позор твоей родине”. На вопрос, что в человеке хорошо и дурно сразу, он отвечал: “Язык”. Он говорил, что лучше иметь одного друга стоящего, чем много нестоящих. Рынок, говорил он, – это место, нарочно назначенное, чтобы обманывать и обкрадывать друг друга. Мальчику, который оскорблял его за вином, он сказал: “Если ты, мальчик, смолоду не можешь вынести вина, то в старости придётся тебе носить воду”.

Изобрел он, как уверяют некоторые, якорь и гончарное колесо.

Письмо его такое:

Анахарсис – Крезу. “Царь лидяи! Я приехал в эллинскую землю, чтобы научиться здешним нравам и обычаям; золота мне не нужно, довольно мне воротиться в Скифию, став лучше, чем я был. И вот я еду в Сарды, ибо знакомство с тобою значит для меня весьма многое”.

Аристотель в своей «Никомаховой этике» спорит с Анахарсисом, с этим легендарным филэллином, которому по Геродоту приписывались многие высказывания, сочиненные позже. Аристотелю в своём споре приходилось настаивать на том, что отдых не есть цель, потому что созерцание, будучи досугом, может быть спутано с «отдыхом». Аристотель также ссылается на изречение Анахарсиса в 13 главе своей «Второй аналитики», где приводятся отличия доказательства и знания о том, что данная вещь есть, от доказательства и знания о том, почему она есть.

Философ А. Ф. Лосев отмечал, что книга Диогена Лаэртского является замечательным памятником античной книги вообще, после чего можно только удивляться, насколько же новоевропейские излагатели античной философии скучны и далеки от самого духа и стиля античного мышления, несмотря на свое безусловное превосходство в методах последовательного-исторического или систематически-логического изложения философии древних.

Следует отметить, что поэтическое наследие изобретателя якоря и гончарного круга Анахарсиса, состоящее из 800 строк, вошло в «Латинскую антологию» на немецком языке.

Продолжение в № 2, 2025.